

ПРОТАЛИНКА

1914

АПРѢЛЬ

№4

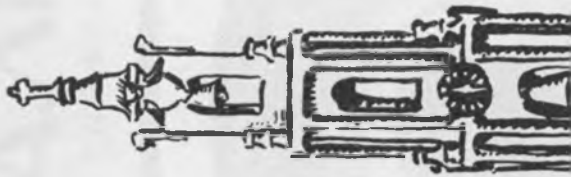
СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИЖКИ:

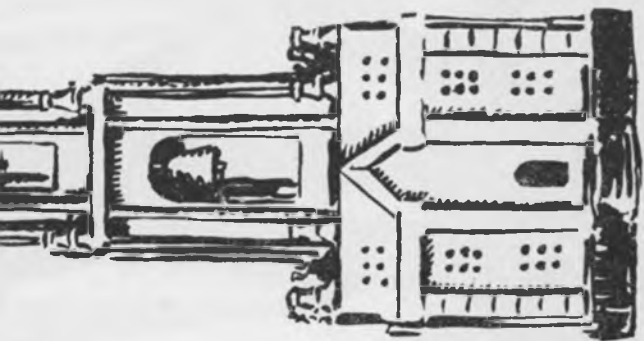
	Стр.
Воскресеніе Христово. Съ картины <i>М. Нестерова</i>	211
Въ началѣ жизни. Разсказъ <i>С. Раевскаю</i>	212
Тайная Вечера. Съ картины <i>Рубенса</i>	217
Кондратьевна. Разсказъ <i>Е. Серіевой</i> . Рис. <i>А. Комарова</i>	224
Весна идетъ. Съ картины <i>В. Мѣшкова</i>	237
Весна. Стихотвореніе <i>С. Раевскаю</i>	238
Гансъ и волшебные башмаки. Сказка. Съ англ.	239
Изъ пасхальныхъ преданій. <i>С. Д.</i>	
I. Плакунъ-трава	250
II. Какъ деревья, травы и цвѣты узнали про Хри- стово Воскресеніе	252
Подзвонокъ. Историческій разсказъ <i>И. Аспези</i>	255
Подъ елью олень. Игровая народная пѣсня. Запис. въ Ка- лужской губерніи <i>Я. Прохоровымъ</i>	261
Опасная переправа. Картинка безъ словъ.	265
Приключеніе мышенка или услужливыя улитки. Веселыя картинки	266

Заставки и концовки—народная игрушка „Троице-Сергіева завра“ — „Колокольна“, „Общій видъ“, „Святые Ворота“, „Трапеза“, „Троицкій соборъ“, „Святой колодезь, фонтанъ и памятникъ“, „Церковь Святого Духа“, „Большой соборъ“ — рис. *М. Н. Яковлевъ*.

При этомъ № разсмѣются подписчикамъ бесплатныя приложенія:
1) „Проталинка“—сборникъ стиховъ и 2) „Снятіе со креста“—
карт. на мѣл. бум.

ВЪВЕДЕНИЕ

ВЪ НАЧАЛѢ ЖИЗНИ.

Въ началѣ жизни...

Пушкинъ.

I.

Няня подходитъ къ моей кроваткѣ и, наклонившись надо мной, говоритъ:

— Вставай, милый, въ колоколь ударили. У Спаса въ Подгорьѣ звонъ былъ.

Она не зажигаетъ свѣчи—и красный и зеленый огни двухъ лампадокъ заглядываютъ мнѣ въ глаза, когда я сонно раскрываю непослушныя вѣки—и поворачиваюсь къ нянѣ лицомъ.

Мнѣ очень хотѣлось спать.

— Вставай. Христа хоронить.

И въ отвѣтъ на эти слова я вскакивалъ съ постели и

торопливо, со сна, принимается натягивать на ноги длинные чулки. Няня одѣвала меня и, когда я былъ совсѣмъ готовъ, мы тихо, не будя младшаго брата, выходили изъ дѣтской, я—въ крытомъ сукномъ тулупчикѣ, няня—въ длинной стеганой кофтѣ и въ черномъ платкѣ съ бѣлыми каемочками. Мы шли въ церковь къ заутренѣ, когда „хоронять Христа“—обносятъ плащаницу вокругъ церкви.

И вотъ я стою, маленькій и тихій, въ строгой и чинной толпѣ, со свѣчкой въ рукѣ въ полутемной низенькой церкви: высокіе худые святые въ черныхъ одѣяніяхъ смотрять на меня со сводовъ. Протяжно и грустно поютъ надъ умершимъ Христомъ—надъ плащаницей; няня часто крестится и низко кланяется; и все, кто рядомъ со мной,—тихіе, черные, грустные, и все крестятся, держа въ лѣвой рукѣ тоненькія свѣчки. Это все простой народъ: мужики и бабы. Я вематриваюсь въ ихъ хмурья, немного грустныя, но такія спокойныя и привѣтливья лица, и мнѣ кажется, что я въ деревнѣ, и совсѣмъ одинъ. Я стою, и мнѣ грустно; я забываю о томъ, что черезъ день Пасха, что подходитъ, подошла уже весна, и уже сорванъ первый поденѣжникъ въ саду, и бѣгутъ весеннія воды,—мнѣ грустно, я глотаю слезы. Мнѣ жаль умершаго Христа.

Народъ задвигался, няня повела меня изъ церкви, мы стали у ограды.

Прошло много народу, прошли священники въ черныхъ ризахъ, неся высоко надъ головами плащаницу.

— Крестись, милый. Несутъ Христа,—шепчетъ мнѣ няня.

И мы пошли съ толпой. Легкій вѣтерокъ гаситъ свѣчки, но потомъ стихло—и красные огоньки маленькими точками двигались въ чернотѣ ночи, дрожа и колеблясь. Пѣрѣдка

ударяли въ маленькїи негромкїи колоколь. Тихое пѣніе щемило душу, я прижимался къ нянѣ, держась за ея кацавейку, я плакалъ—и няня, лаская меня на ходу, спрашивала тихо:

— Что ты?

Я отвѣчалъ ей чуть слышно:

— Мнѣ жалко Христа.

— И жалѣй, милый,—шептала она мнѣ,—и Онъ тебя пожалѣветъ.

Мы двигались съ молящимся народомъ въ весенней тишинѣ, радостный холодокъ вешней ночи обвивалъ меня,—я чувствовалъ себя маленькимъ и безсильнымъ, затеряннымъ и ничего-ничего не могущимъ. И слезы катились у меня по лицу—дѣтскія слезы за Христа.

Обоїдя за плащаницей церковь, мы съ няней возвращались домой, она укладывала меня въ постель, и отъ слезъ, отъ крѣпкаго пахучаго весенняго воздуха, я засыпалъ скоро—и радостно было проснуться утромъ. Солнце поливало всю комнату неудержимымъ яркимъ свѣтомъ, которымъ хотѣлось безъ конца дышать, какъ воздухомъ.

Я, еще въ постели, подзывалъ къ себѣ няню и, цѣлуя ее, говорилъ:

— Вѣдь Онъ воскреснетъ, няня?

Она крестилась на образа и отвѣчала мнѣ:

— Воскреснетъ, скоро воскреснетъ.—И вновь крестилась.

II.

Въ домѣ была предпраздничная суета: пахло только что выпеченными куличами, няня бродила по всему дому

въ скрипучихъ башмакахъ и, охая и вздыхая, жаловалась сама себѣ: „Съ ногъ сбилась“.

Мы съ братомъ всеѣмъ мѣшали: просили, чтобъ намъ дали отвѣдать пасхи, сколупливали запеченный миндаль съ верхней корки куличей, перебирали въ корзинѣ крашенныя яйца: искали яйцо-небьюнъ. Если у кого-нибудь есть такое яйцо, то сколько ни катай яйцо, оно все перебьетъ, а его никто побить не можетъ. И какъ разъ тогда, когда брату показалось, что онъ нашелъ яйцо-небьюнъ, большое, красное,—и мы заспорили, кто первый его увидать, и кому оно достанется,—пришла няня и сказала:

— Ну, баловники, одѣвайтесь, идите въ садъ гулять: съ вами здѣсь грѣха не оберешься.

Намъ только этого и надо было.

Въ саду была настоящая весна. Рыжіи старыи снѣгъ лежать еще подъ заборами и подъ яблонями, у бесѣдки еще былъ пухлый сугробъ,—но ужъ протаяли дорожки и, не переставая, съ мягкимъ гуломъ бѣжала вода, и оглушительно трещали воробы, справляя воробынью весну; недавніе гости, грачи заняли нагія верхушки березъ; громкія капли капали съ крышъ и деревьевъ,—и надо всеѣмъ было незапятнанное ни единой тучкой голубое сквозистое небо.

Кирюша, дворниковъ сынъ, въ ситцевой синей рубахѣ, приставилъ къ стволу высокой березы новыи скворешникъ, и собирался лѣзть на дерево, вѣшать его на верхнемъ суку. Онъ только недавно пріѣхалъ изъ деревни, гдѣ жилъ у дѣда на пчельнѣ,—и мы, городскіе мальчики, любили его разспрашивать про деревню, про все, что ему было близко и родно, а намъ далеко и невѣдомо.

— Полѣзу скворешню вѣшать. Ладная скворешня—скажутъ Кирюша, поздоровавшись,

Мы съ братомъ заглянули въ отверстіе скворешни: оттуда пахнуло чудеснымъ запахомъ свѣжей древесины и смолы. Братъ, человѣкъ обстоятельный, спросилъ Кирюшу:

— А зачѣмъ скворцу—домъ, а другіе безъ дома?

— Скворецъ—по веснѣ жилецъ,—сказалъ Кирюша,— оттого ему и домъ,—и засвисталъ.

Воробьи, зашумѣвъ, разсыпались по яблонямъ.

— Воробьевъ нынче—сила: видимо-невидимо. Родъ имъ въ этомъ году.

— А какъ онъ въ дому гнѣздо устроитъ?—продолжалъ допытываться братъ про скворца.

— А такъ и устроитъ. Очень просто. Соломы нанесетъ, пуху. Нешто птица безъ обычая? Она тоже понимаетъ, что ей надо, что къ чему. Законъ у ней есть.

— Какой законъ?

— Такой, положено ей такъ. Про клеста слыхаль?

Я отвѣчалъ за брата:

— Нѣтъ.

— Простое дѣло. Онъ, клѣсть-оть, у Христа Господа, когда Его мучители распяли, гвозди вытащить хотѣлъ. А гвозди—вотъ какіе были, страшные.

Кирюша показалъ рукой, какіе огромные были гвозди.

— Ржавые, кривые. Клѣсть все леталъ—да вытащить норовилъ. И птицѣ жалко. Да не могъ: крѣпко забили гвозди-то, въ древесину далеко ушли. Птица малая: гдѣ ей вытащить? Только Господь ей это вспомнилъ. Когда воскресъ, „Поди, говоритъ, ко Мнѣ, птица вѣрная, жалостная. Ты Меня пожалѣла, а Я тебя обрадую. Знакъ на тебя Свой положу, чтобъ всѣ, какова ты, знали. И пищу тебѣ отъ креста Моего дамъ, какъ на крестѣ Меня ты пожалѣла“. Такъ все и было. У клеста клювъ такой, точно онъ себѣ повредить его чѣмъ

Тайная Вечеря.

Съ картины Рубенса.

погнуть: это ему знакъ положень, какъ онъ клювомъ гвозди вынуть хотѣлъ. Крестъ-то Господень изъ еловаго дерева быть—съ тѣхъ поръ у клеста только вся и ѣда, что еловыя шишки: смолку клеветъ, тѣмъ и сытъ. Птицъ много ли надо?

— Откуда ты это знаешь?—спросилъ братъ. Я молчалъ.

— Отъ дѣда. Дѣдъ въ старой книгѣ читалъ. Это вѣрно.

И про воробья тоже вѣрно.

— Что про воробья?

— Думаешь, отчего онъ кричитъ безперечь? Ишь, шумять.

Изъ разныхъ уголковъ сада неслоь неугомонное воробьиное чириканье.

— Это онъ поетъ,—отвѣчалъ братъ, не глядя на Кирюшу. Ему было стыдно, что онъ не знаетъ „про воробья“.

— Нешто воробей поетъ? — засмѣялся Кирюша. — Это ему такъ положено: нѣтъ у него пѣсни, а все „чивъ“ да „чивъ“, „живъ“ да „живъ“. Когда Христось Господь на крестѣ кончался, еще духъ въ Немъ былъ, подошли мучители, посмотрѣли, думаютъ: „умеръ“. А воробьи имъ на ухо: „Живъ, живъ, живъ“. Съ тѣхъ поръ и отнята у нихъ пѣсня, а положено имъ до конца вѣка твердить: „живъ, живъ“. Простое дѣло.

Кирюша принялся прилаживать скворешню. Онъ влѣзъ на березу, спугнувъ разсѣвшихся на ней грачей, и сказаль мнѣ:

— Подай-ка скворешню-то.

Я подаль ему. Братъ внезапно сказалъ:

— А у меня будетъ яйцо-небьюнъ.

Кирюша отвѣчалъ съ дерева;

— У меня у самого было.

Помолчать секунду, прибавить:

— Да сплыло — и засмѣялся добрымъ веселымъ смѣхомъ.

Онъ ловко орудовалъ со скворешницей на самомъ верху березы.

Въ садъ прибѣжала горничная Маша и, сложивъ ладонь трубочкой около рта, крикнула намъ:

— Обѣдать пожалуйте.

Братъ пошелъ впереди, а я нарочно отсталъ, подбѣжалъ къ березѣ и сказалъ Кириушѣ:

— Приходи на Святой яйца катать. Небьюна нѣтъ.

— Ладно,—отвѣтилъ онъ съ березы,—приду.

И онъ громко засвисталъ, сидя верхомъ на голомъ суку.

III.

Въ полночь ударили въ колоколь — и полилась на всю ночь густыми волнами широкая рѣка пасхальнаго звона. Гудѣлъ соборный колоколь и, какъ въ потокъ, въ его благоговѣсть вливались, какъ ручейки, тихіе звоны дальнихъ церквей. Всю ночь, и все утро, и весь день, и всю недѣлю торжествовала надъ городомъ вѣсть о Воскресшемъ Христѣ.

Мы съ братомъ стояли заутреню въ маленькой старой церкви: няня купила намъ перевитыя золотомъ свѣчи, у брата была зеленая, у меня — красная, и сказала намъ на ухо:

— Потому и свѣча красная, что вездѣ радость теперь, и зеленая потому, что все растетъ—зеленѣетъ. Травка и та теперь радуется. Пасха красная. Веселіе вѣчное.

И няня всю Святую недѣлю ходила въ свѣтломъ платѣ, и чуть, бывало, захмуришься, или чѣмъ-нибудь огорчишься, няня подойдетъ, приласкаетъ, скажетъ:

— Нельзя теперь печалиться. Грѣшно. Радость теперь вездѣ. Христосъ воскресъ.

И она уводила насъ въ поле, гдѣ отъ черной земли, вышедшей изъ-подъ снѣгу, вился тонкій, едва примѣтный паръ, и жаворонки заливались въ небѣ, и солнце сіяло съ прекраснымъ весельемъ. Няня указывала намъ на черную, отдохнувшую за зиму землю, на слабенькій паръ, шедшій отъ нея и говорила:

— Видишь, милый, и земля радуется: дышитъ. А ты вѣчоръ плакалъ? Какое теперь горе? Небо и земля другъ передъ дружкой веселятся, нарадоваться не могутъ.

Она показывала намъ жаворонковъ высоко въ небѣ, она говорила, что и солнце теперь играетъ въ небѣ, и ему весело на земное веселье смотрѣть.

Въ среду на Святой я попросилъ няню привести къ намъ въ дѣтскую Кирюшу,—покатать съ нимъ яйца.

Кирюша вошелъ къ намъ съ приглаженными волосами, въ бѣлой рубашкѣ;—у него были высокіе сапоги, пахнущіе дегтемъ, но на подошвахъ онъ принесъ много липкой весенней грязи и, какъ ни вытиралъ, она не отставала. Няня велѣла ему разуться, и онъ босой пошелъ въ дѣтскую. Мы похристосовались съ нимъ, поцѣловавшись три раза. Братъ поставилъ на полъ деревянный катокъ, и сначала мы катали яйца съ катка, но это было скучно. Тогда мы рѣшили поставить яйца въ рядъ, и подшибать. Заговорили опять объ яйцѣ-небьюнѣ.

— А ты видалъ?—спросилъ я Кирюшу.

— Видалъ. Оно съ виду, какъ обыкновенное: яйцо, какъ

яйцо. Тоже надо примѣту знать, какое небьюнъ, а какое нѣтъ.

— А какое оно?

— Отъ черной курицы. Ежели у черной курицы въ хвостѣ есть два бѣлыхъ пера, непременно она яйцо-небьюнъ снесетъ. Только не нужно этого упустить. Она на зарѣ такое яйцо несетъ; снесетъ, и спрячетъ въ тайное мѣсто. Вотъ тутъ-то и нужно примѣтить, куда она его положить, а то послѣ и не найдешь.

— А у тебя было?

— Было, говорю, да сплыло.

— Вотъ и врешь,—сказалъ братъ.—Няня говоритъ, что такого яйца не бываетъ.

— А не бываетъ, такъ и пусть не бываетъ,—сказалъ Кирюшка и началъ цѣлить синимъ яйцомъ въ выстроенныя у двери яйца. Кирюшино яйцо покатилося и сбilo крайнее яйцо, выкрашенное лукомъ.

— Вотъ мое и небьюнъ!—крикнулъ Кирюша.

— И мое тоже небьюнъ!—закричалъ братъ, вышибая зеленое яйцо изъ середины. Пошла игра. Кирюшино яйцо поставили въ рядъ, и онъ сбивалъ теперь другимъ, розовымъ яйцомъ,—и сбиль синее.

— Бьюнъ небьюна подшибъ!

Но мы такъ усердно сбивали яйца, что внезапно одно яйцо разбилось, и густой желтокъ потекъ по ковру.

— Яичница, яичница!—закричали мы и захлопали въ ладоши.

Пришла няня и, поворчавъ, убрала всѣ яйца. Братъ дулся и толкалъ меня:

— Это изъ за тебя не позволяютъ играть. Ты выпустилъ желтокъ.

И мы собирались поссориться, но Кирюша подошелъ къ брату, положилъ ему руку на плечо и сказать:

— А ты видалъ, какъ журавли въ лѣсу по веснѣ пляшуть?

— Нѣтъ, отвѣчалъ братъ.

— А вотъ какъ.

И Кирюша подпрыгнулъ на одной ногѣ, ловко поджимая другую и хлопая руками, и заскакалъ по комнатѣ. Онъ какъ-то ухитрялся смѣшно двигать пальцами на босой ногѣ, которую, какъ журавль, поджималъ подъ себя, а на другой высоко подскакивалъ на голыхъ пальцахъ. Мы съ братомъ хохотали. Потомъ онъ показывалъ, какъ курлыкають журавли, собираясь въ отлетъ, какъ токуеть весною тетеревъ въ лѣсу, какъ блютъ овцы въ закутѣ, чуя приближеніе волка.

И намъ съ братомъ стало завидно, что онъ все это умѣеть, все это видѣлъ и слышалъ, а мы ничего не умѣемъ, и насъ никуда не пускаютъ. Но брату пришло въ голову показать Кирюшѣ „Барона Мюнхгаузена“, и тутъ ужъ онъ молчалъ, широко раскрывъ большіе сѣрые глаза, а мы, на перебой, рассказывали ему про необыкновенныя приключенія храбраго барона: и про то, какъ онъ летать на бомбѣ, и про то, какъ подстрѣлить одной пулькой двадцать утокъ.

А въ саду, въ полѣ, надъ нашимъ маленькимъ городкомъ, все шире и шире разстилалась весна. Теплый вѣтеръ перебиралъ первые слабенькіе листочки на березахъ. Всѣ птицы слетались съ юга. Весенніе дожди полились, ко-

роткіе, свѣтлые, веселые. Осими зеленѣли въ поляхъ. Пропелъ весенній сѣвъ.

И такъ было много радости на душѣ, что, казалось, ея достанеть на всю жизнь!

Сергѣй Раевскій.

КОНДРАТЬЕВНА.

На окраинѣ города, надъ самымъ „рвомъ“ стоитъ маленькая, покосившаяся избушка. Отъ нея тянется внизъ полуразвалившійся заборъ. Лѣтомъ за этимъ заборомъ зеленѣютъ гряды картофеля и капусты. А зимой заноситъ снѣгомъ и гряды, и заборъ, и даже отчасти избушку. И тогда, вечерами кажется издали, что въ снѣжномъ сугробѣ свѣтится фонарь. Это смотреть на прохожихъ освѣщенное окно избушки и точно подмигиваетъ имъ.

Въ этой избушкѣ живетъ ужь много лѣтъ прачка Кондратьевна. Живетъ не одна—съ мужемъ калѣкой и двумя сыновьями.

Мужъ Кондратьевны—Митричъ; сапожникъ по ремеслу, вернулся послѣ войны съ отрѣзанной выше колѣна ногой. Мастерство свое онъ долженъ былъ бросить—больная нога мѣшала работать,—другого ремесла не зналъ, и ему, еще крѣпкому и нестарому человѣку, пришлось заняться такимъ малоодоходнымъ дѣломъ, какъ заготовка коробокъ.

Оба сына ихъ—подростки жили еще въ ученѣ и жалованья не получали.

Быть бы имъ всѣмъ голодными, если бы не сама Кондратьевна. Днемъ на поденной работѣ, а вечеромъ она ухитрялась еще стирать или гладить до поздней ночи дома.

И долго поэтому свѣтитъ вечерами прохожимъ фонарь надъ оврагомъ. Долго мигаетъ красный, одинокій глазъ его. Такъ долго, пока не разломитъ окончательно спину, не онемѣютъ руки, и кашель не заставитъ сѣсть, растирая ноющую грудь.

Другіе, работая, разговариваютъ, поютъ. Кондратьевна никогда не говоритъ лишняго слова. Если нужно что-нибудь или спрашиваютъ что-либо, она быстро взглянетъ изподлюбья, не поднимая головы, броситъ одно, два слова и опять молчитъ. А пѣть Кондратьевна разучилась еще въ тѣ поры, когда пришелъ приказъ ея Митричу идти на войну.

Не такъ жилось имъ въ то время. Оба молодые и здоровые. Оба работающіе и веселые. Легко и радостно несли они трудъ и заботы о двухъ сынишкахъ. Ну, а потомъ...

Но не любитъ Кондратьевна вспоминать бывшее и, если Митричь иной разъ вздохнетъ о немъ, она рѣзко обрываетъ:

— Что зря болтать-то!

Митричь не такого нрава человѣкъ: катѣлка, почти лишенный возможности двигаться, а любитъ пошутить, посмѣяться и обо всемъ говорить такъ, точно насмѣхается немного. Опостылѣли ему его коробки, радъ бы заброситъ ихъ подальше, да подумаетъ, подумаетъ и принимается опять за работу:

— Эхъ, вы, картонное производство, скажете, да ужъ была не была, безъ васъ не обойдешься!..

А Кондратьевна не то, что шутить, а безъ нужды и слова не проронить.

Такъ изо дня въ день и день деньской работаетъ, не покладая рукъ, Кондратьевна. И только на Пасху разрѣшаетъ она себѣ перерывъ въ работѣ. Разговѣвшись съ семьей послѣ Свѣтлой заутрени, она быстро собирается, взваливаетъ себѣ на плечи котомку и, перекрестившись на образъ, уходитъ. Ровно шесть дней отсутствуетъ Кондратьевна, на седьмой къ вечеру она возвращается и, какъ ни въ чемъ не бывало, принимается за работу.

И строга, и молчалива она попрежнему и никому ни словомъ не обмолвится о томъ, какъ путешествовала, какъ и чѣмъ встрѣтилъ ее чужой городъ.

— Здоровы?— скажетъ она, входя въ избушку.

Потомъ быстро скинетъ съ плечъ котомку, расправитъ спину и, порывшись въ несложномъ багажѣ, достанетъ и подастъ Митричу пачку табаку, а сыновьямъ по прянику.

И уже снѣшитъ приняться за дѣло: убирается по хозяйству, запущенному въ ея отсутствіе, чиститъ и прибираетъ кругомъ.

— Ну, что-жь,— скажетъ иной разъ Митричъ,— намолилась, матушка, всласть?..

— Нечего зря болтать!— отрѣжетъ обычно рѣзко Кондратьевна. Но если бы кто-либо заглянулъ поближе въ опущенные глаза ея, онъ замѣтилъ бы еле теплящійся въ нихъ ласковый огонекъ.

Не на долго хватаетъ этой свѣтлой и теплой искорки, тлѣющей въ душѣ суровой женщины и просвѣчивающей въ глазахъ ея. Пройдетъ день-другой, опять заляжетъ въ нихъ тяжелая, затаенная скорбь. Но первые дни послѣ возвращенія домой она всегда ровнѣе и ласковѣе.

A. H. M. S. P. S.

Такъ жили не годъ, не два. Кондратьевна съ Митричемъ.

Въ прошломъ году ранней весной простудилась какъ-то Кондратьевна, и, какъ ни крѣпилась она, пришло ей слечь. Мечась въ жару съ воспаленнымъ лицомъ и горящими глазами, она часто пугала близкихъ. Векакивала, говорила непонятное, жаловалась, плакала, звала какую-то „Оленьку“, каялась въ чемъ-то. Жалкій, растерявшійся Митричъ не умѣлъ съ ней сладить. Онъ все уговаривалъ ее лежать тихо или выпить водицы. Но больная не замѣчала ни мужа, ни протянутой ей кружки съ водою. Такъ металась она дней пять, потомъ стихла.

Но если страшно было, когда она шумѣла въ бреду, то теперь Митричу стало не въ примѣръ болѣе жутко.

Кондратьевна лежала на спинѣ съ закрытыми глазами, такая блѣдная, худая, слабая, что еле могла двинуть рукой. Ни слова не говорила она и почти не открывала глазъ.

— Умираеть... умираеть!—думалъ Митричъ съ тоской, глядя на нее и не смѣя шевельнуться.

На седьмой день вечеромъ, когда мальчики улеглись спать, Кондратьевна вдругъ открыла глаза, безпокойно оглянулась и, встрѣтя взглядъ мужа, подозвала его.

Митричъ нагнулся надъ ней, спрашивая:

— Иешить подать?.. Подушку поправить?..

Но она покачала головой и показала ему, чтобы онъ сѣлъ рядомъ.

Потомъ, опять закрыла глаза и молчала нѣсколько минутъ, а онъ ждалъ, съ тоской и страхомъ глядя на нее.

— Можетъ, помираю,—наконецъ услышалъ Митричъ,—хочу сказать... Можетъ, легче станетъ на душѣ-то... Есть дѣло такое... Когда тебя забрали на войну-то... я въ тѣ

поры... Самъ знаешь, съ двумя на рукахъ оставалась... Еле-еле перебивалась, а тутъ еще...

Опять замолчала Кондратьевна, точно силъ не хватало говорить, а потомъ сдѣлала знакъ Митричу, чтобы онъ нагнулся ближе, и зашептала.

По мѣрѣ того, какъ больная шептала, лицо Митрича становилось все болѣе недоумѣвающимъ, испуганнымъ; наконецъ, онъ отшатнулся и, дико смотря на жену, крикнулъ:

— Врешь!.. Врешь ты все это!.. Вѣрить не хочу!.. бредишь ты, вотъ что!..

— Молчи, молчи, дѣтей разбудишь! — умоляюще потянулась къ нему Кондратьевна. — О, Господи, пойми ты... Грѣха въ этомъ нѣтъ... нѣтъ грѣха. Отъ смерти я спасала ее, отъ смерти голодной... А теперь ей хорошо...

— Такъ правда это? Неужели правда? Не бредишь ты, несчастная?..

И Митричь смотрѣлъ на жену, все еще не вѣря словамъ ея.

Больная молчала.

Но Митричь схватилъ шанку и, стуча костью своимъ, какъ могъ быстрѣе, выбѣжалъ за дверь.

Кондратьевна не умерла. Пролежавъ двѣ недѣли, она встала и снова принялась за работу. Все, казалось, пошло опять по-старому, только Митричь шутилъ меньше прежняго, и безпокойство какое-то глядѣло изъ глазъ его.

Когда наступила Пасха, Кондратьевна стала, какъ дѣлала это всѣ послѣдніе годы, собираться въ путь, но Митричь заявилъ:

— Не одна пойдешь.

— Ты?.. — изумилась она. — Да тебѣ не дойти!..

— Довѣдемъ, — отрѣзвалъ Митричь. — Денегъ я достать!

На пароходѣ недорого. А за дѣтьми и домомъ сосѣдка при-
смотреть.

И они поѣхали.

Нерадостно согласилась на это Кондратьевна, но отка-
зать мужу она не рѣшилась.

И вотъ, они на пароходѣ.

Стоить чудная погода. Апрельское солнце ласково
грѣетъ. Свѣтло и радостно вокругъ.

Кондратьевна сидитъ, смотреть въ воду и вся ушла въ
скорое, скорое свиданіе. Лицо ея просвѣтлѣло, глаза стали
ласковыми.

Митричъ слѣдитъ за ней. Онъ тоже волнуется, но по
иному: чувство къ-то причиненной ему горькой обиды
не оставляетъ его, и онъ удивляется женѣ, не понимаетъ
ея, возмущается ею. „Радуетъ, ей право же радуется, сама
на себя непохожа стала, точно прежняя вернулась. Да
что жъ она обиды-то, обиды своей не чувствуетъ, точно
такъ и должно быть!..“

— Тьфу!.. — сплевываетъ онъ въ сердцахъ... — Слушай,
ты... Ну, какъ же, однако, ну, вотъ, родилась у тебя тогда
дѣвочка... Пять мѣсяцевъ, говоришь, послѣ того, какъ меня
на войну погнали?.. Та-акъ... Ну, родилась... Ты, возьми и
подбрось ее чужимъ людямъ... Такъ таки и не попробовала
ее все же дома оставить?..

Кондратьевна оборачиваетъ къ нему недоумѣвающее
лицо.

— Да я же говорила... чудакъ этакій! Болѣла я. Мо-
локо пропало, самой кормить нечѣмъ, а покупать не на что...
На работу иди, а съ младенцемъ-то куда дѣваться?.. Ска-
жетъ тоже—не пробовала! Легко сказать: мальчишки голод-
ные, я тоже... Стала и дѣвочка чахнуть... Не кричить ужь—

ослабѣла, только въ родѣ какъ мяукаетъ... Жалко—душа разрывается! Не пробовала... Попробовать бы самъ-то голодный крикъ послушать!.. А про тѣхъ господъ я слышала, что добрые, жалостливые, дѣтей нѣтъ... Ну, и рѣшилась, значитъ...

— А меня-то спросить забыла?

— Тебя?—удивляется Кондратьевна.—Чудакъ!

— Ну, нечего тамъ—чудакъ!.. Разсказывай...

— Да что разсказывать-то?..

— Ну, какъ дѣло обдѣлывала...

— Да чего ты злишься, не пойму я! Лучше было бы, если бы съ голоду померла она?! Мнѣ, думаешь, легко было?.. Легко, когда ребенка своего слабенькаго, чуть живого на пень положила, а сама уходить должна?.. Чуть было назадъ не взяла!.. Да только, вотъ, знала: принесу домой, а накормить будетъ нечѣмъ. А потомъ, ушла... Сердце разрывается, мѣста не нахожу себѣ, а близко подойти боязно. Такъ всю ночь и маялась: кругомъ того дома хожу, подойти боюсь. Все крикъ ребенка мерещится. Все чудится ни вѣсть что!.. А на утро не выдержала: пошла прямо на кухню къ нимъ. Не нужно ли постирать? говорю. Вижу, смотрять на меня подозрительно. Нѣтъ, говорятъ, мы не звали. Догадуются, думаю, непременно догадаются. Да мнѣ ужъ все равно: лишь бы свое узнать, не могу больше терпѣть. Будь, что будетъ, думаю, не узнавъ, жива ли, взяли ли ее, не ийду. Придумать хочу, что бы еще спросить... А тутъ близко гдѣ-то за стѣнкой, ребенокъ заплакать. Голосъ слабый, хриплый, точно... Моя, моя... Господи, какъ забилося сердце-то, какъ я обрадовалась! Стою, глаза потупила, боюсь, люди по лицу узнаютъ. Жива, жива, думаю, взяли!.. Барынь-то про меня все-таки доложили. Вышла на кухню. Смотрить на меня, говорить: „Сейчасъ стирать не надо, а вотъ че-

резь недѣлку... Да вы скажите, гдѣ живете, тогда и дадимъ знать“.. Я думала, такъ это она говоритъ, а прошло нѣсколько дней, и, правда, позвали. Вотъ тутъ-то случилось такое, что понять я сердцемъ поняла, а объяснить не умѣю. Позвали стирать—стирала, ничего какъ будто не сказали, а увидѣла я, что разгадана. Было вотъ какъ: вошла это барыня днемъ на кухню, на рукахъ Олюшу держитъ. Я, чувствую, растерялась, покраснѣла, а сама глазъ не свожу съ дѣтки своей. Побѣлѣла она, вижу, поправилась. А барыня тѣмъ временемъ говоритъ такъ, точно спроста: „Посмотрите, какого ребенка намъ подкинули, замореннаго, сле живого. Мы взяли. Только, не дай Богъ, мать объявится, ни за что не оставлю его. Такой ужъ характеръ у меня: мой ребенокъ, такъ мой... и больше никого, чтобы не было у него“... Стою я, какъ дурная. Сначала въ толкъ не взяла, а потомъ ужъ дома все поняла и наплакалась вволю. Ходить къ нимъ перестала.

Помолчала Кондратьевна, вздохнула, а потомъ опять заговорила.

— А все-таки барынь-то, видно, неспокойно было, что близко я. Мѣсяцевъ шесть прошло, зовутъ это меня опять стирать къ нимъ. И опять выходитъ ко мнѣ барыня съ ребенкомъ на рукахъ. Заколотилось у меня сердце, смотрю—красивая дѣвочка, точно ангелочекъ. Бѣленькая, розовенькая, здоровая такая, веселая, глазки такъ и горятъ. А волосики-то на лбу, волосики такъ и вьются локончиками, точно серебряные они. И почему-то волосики эти больше всего мнѣ милы. Смотрю на нихъ, смотрю... А барыня говоритъ: „Нравится вамъ моя дочка? Здоровенькая стала, правда? Еще лучше будетъ: доктора говорятъ въ нашемъ городѣ сыро. Мы переѣзжаемъ жить въ К., тамъ для нея

будеть здоровѣе". Слышу я и не вѣрю. Чувствую, что блѣднѣю, сейчасъ упаду... Господи, помоги, Господи!.. молюсь. А барыня замѣтила, видно. Что-то говоритъ, что слабая я, что больна должно быть. Потомъ ушла, выслала мнѣ какихъ-то капель. А вечеромъ, какъ мнѣ уходить, вышла сама рассчитывать, блѣдная, не лучше меня, и говоритъ: „Ну, прощайте. Въ К. много святынь, а вы, я слышала, богомольная. Если случится вамъ въ наши стороны, заходите". Думала, вѣрно, не приду. Да я не вытерпѣла: на Пасху собралась. Фамилію ихъ знала и учрежденіе, гдѣ мужъ служить. Пошла, узнала адресъ и заявила къ нимъ. Испугалась барыня-то... Ну, потомъ ничего. А когда увидѣла, что я только разъ въ годъ появляюсь, да Оленькѣ ничего не показываю, а только на нее посмотрю, такъ и совѣмъ успокоилась. Теперь принимаетъ ничего. Даже ласкова со мной, точно жалѣетъ...

— Жа-алѣетъ! — насмѣшливо перебиваетъ Митричь, — тоже скажетъ... Есть жалость у такихъ-то!

— Чудакъ! — пожимаетъ плечами Кондратьевна. — Не они же виноваты. А Оленьку любятъ очень. Хорошо ей у нихъ.

— Ну, и радуйся! А ты мнѣ еще вотъ что объясни: вѣдь нѣсколько недѣль ты ее какъ никакъ держала... Какъ же сосѣди-то, да мальчики? Что же они-то думали? Какъ же сейчасъ объ этомъ никто не знаетъ?

— Знаетъ тетка Агафья, она-то меня научила и помогла, да она никому не скажетъ. Сосѣдей въ то время не было. Теперь это заселился ровъ, а тогда, самъ знаешь, мы жили одни. А дѣти малы были. Сказала — умеръ ребеночекъ-то, они и позабыли...

— Такъ-съ, оборудовала, значить, — полу-сердито, полу-насмѣшливо роняетъ Митричь, и оба смолкаютъ.

Слышно только, какъ плескается волна о бортъ парохода, да гулъ голосовъ еле доносится изъ рубки.

Молчать Кондратьевна съ Митричемъ, пригорюнились, а солнце ласково свѣтитъ, заглядывая въ поникшія лица ихъ, точно утѣшить хочетъ и пригрѣть своею лаской.

Четыре дня спустя, Кондратьевна съ мужемъ возвращались домой на обратномъ пароходѣ. Митричъ сталъ еще злѣе. Онъ то и дѣло похаживалъ, стуча костью по палубѣ, останавливался передъ женой или присаживался къ ней и начиналъ въ сотый разъ все тѣ же разговоры.

— Дочка называется... Господи, прости и помилуй!.. Отрѣзанный ломоть, и все тутъ! И чего было ѣхать, удивляюсь! Извѣстное дѣло: къ барамъ попала, сама барыней стала. Чего ужъ тутъ лѣзть-то!..

Кондратьевна долго отмалчивалась, а потомъ не выдержала и рѣзко отвѣтила:

— Ну, и сидѣлъ бы дома, кто просить тебя ѣхать-то!.. Подумаешь, понять не можетъ. Да она развѣ знаетъ, что ты отецъ ей?.. Она по добротѣ сердечной, а ты—обижаться! Тоже...

Дѣло было вотъ въ чемъ. Кондратьевна съ Митричемъ встрѣтили въ воротахъ дома, гдѣ жили пріемные родители ихъ дочери, выходящую на прогулку Олю. Дѣвочка поздравствовалась съ Кондратьевной и, замѣтя, стоявшаго поодаль „калъку“, хотѣла подать ему милостыню.

Митрича такъ потрясло ея движеніе, что онъ не сдержался, быстро отшатнулся, хватить зачѣмъ-то шапкой объ землю, а потомъ, поднявъ ее, ушелъ, какъ могъ скорѣе, и дочки больше не видѣлъ.

Всю ночь онъ шатался гдѣ-то и вернулся на утро хмѣльнымъ.

Кондратьевна не могла понять его обиды. Она всеми силами защищала дочь и ругала „непутеваго“ мужа, который и посмотрѣть-то на дѣвочку не сумѣлъ хорошенько, не увидѣть, какая она красивая, хорошая, не замѣтить даже, что она уже въ гимназическомъ платьѣ ходитъ. Да еще ругаетъ ее за то, что она добрая и хочетъ помогать бѣднымъ.

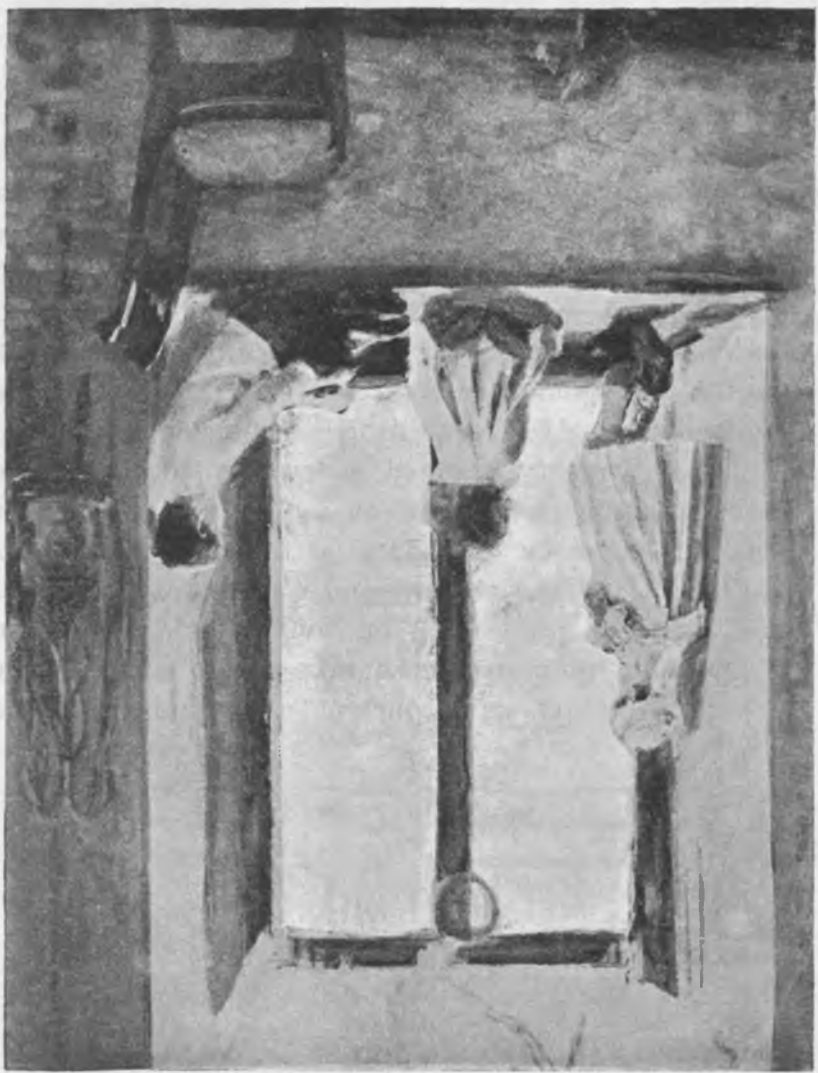
Плохо сѣздить Митричь. Веселье къ нему такъ и не вернулось. Дома онъ сталъ молчать не менѣе упорно, чѣмъ сама Кондратьевна, но дома ему теперь не сидѣлось. Онъ сталъ постоянно находить предлоги, чтобы хотя на время избавиться отъ опостылѣвшихъ ему коробокъ и идти туда... Впрочемъ, Митричь и самъ не сумѣлъ бы сказать, куда ему хотѣлось. Лишь бы уйти отъ коробокъ, отъ мрачной избушки, отъ собственныхъ мыслей.

Еще суровѣе стала Кондратьевна. Еще рѣже раздавался въ избушкѣ ея голосъ. Но еще упорнѣе стояла она до поздней ночи за работой. „Фонарь“ надъ рвомъ сталъ теперь часто тухнуть только на развѣтѣ.

Е. СЕРГѢВА.

БЕЖНА ПУТЕТЬ. *От картины В. М. Шикова.*

ВЕСНА.

С. К. Савуровой.

Уѣхала Снѣгурочка въ далекіи снѣжный край.
Лисички, волки сѣрые кричатъ:—Прощай, прощай!
Прощай, Снѣгурка бѣлая, до пасмурной зимы!—
Подтаяли, растаяли всѣ снѣжные холмы,
Текутъ ручьи сквозистые, журчатъ, звенятъ, поютъ
И синіе подснѣжники по всѣмъ полямъ цвѣтутъ,
И крики перелетные отъ журавлиныхъ стай
Земля давно услышала:— Встрѣчай, встрѣчай, встрѣчай!—
И вотъ встрѣчаетъ зеленью земля прилетныхъ птицъ,
Встрѣчаетъ первыхъ ласточекъ, безгорестныхъ черницъ,
И жаворонка малаго, и черного грача...
Дождались неба синяго и вешняго луча!
Въ весенней тихой радости земля и темный лѣсъ
Дождались, вновь услышали: Христось, Христось воскресъ!

Сергѣй Раѣвскій.

ГАНСЪ И ВОЛШЕБНЫЕ БАШМАКИ.

— Гей-о! — гикнул Гансъ, юный сынъ чеботаря. — Пойду я теперь по свѣту искать счастья съ однимъ только узелкомъ, а въ узелкѣ у меня что — ржаной хлѣбъ, да пара старыхъ деревянныхъ башмаковъ, единственное отцовское наслѣдіе. Почему онъ такую цѣну придавалъ этимъ старымъ башмакамъ, этого мнѣ, разумѣется, не понять, но я все же понесу ихъ съ собой — они мнѣ сослужатъ службу, когда я приду въ городъ; ну, а пока, я лучше пойду босикомъ.

И Гансъ весело зашагалъ по дорогѣ, съ узелкомъ за плечами. Правда, что позади себя Гансу немного пришлось оставить, но за то впереди въ его распоряженіи былъ цѣлый міръ. И такъ онъ шелъ, оживленно посвистывая, потому что нравъ у него былъ веселый-превеселый.

Все шло хорошо, пока Гансъ не дошелъ до того мѣста, гдѣ недавно чинили дорогу; тутъ острые камешки стали

рѣзать ему ноги, и онъ сѣлъ у края дороги, развернуть узелокъ и надѣлъ свои деревянные башмаки. Очевидно, что башмаки пришлись ему, какъ разъ, по ногѣ; въ самомъ дѣлѣ, едва Гансъ всталъ на ноги, какъ онъ сейчасъ же пустился въ плясъ; никогда доселѣ еще не ощущалъ онъ такой легкости въ ногахъ. И вотъ онъ бѣжать вприпрыжку по дорогѣ, какъ вдругъ замѣтить возлѣ дороги рядъ прекрасныхъ яблонь.

— Ужъ одно изъ этихъ яблокъ я сорву непременно, — сказать онъ себѣ; — я увѣренъ, что фермеръ ничего не скажетъ.

Между дорогой и яблонями пролегла широкая канава, но Гансъ смѣло побѣжалъ, рассчитывая перескочить черезъ нее въ одинъ прыжокъ.

Но, къ его изумленію, въ самый мигъ прыжка нога у него подвернулась, и онъ упалъ головой прямо въ воду.

Когда онъ вынырнулъ, то увидѣлъ, что его деревянные башмаки попрыгивали по водѣ, то ныряя, то выскакивая изъ нея. Онъ, было, подумать, не оставить ли ихъ тутъ совсѣмъ, ибо онъ чувствовалъ, что во всемъ происшедшемъ было немного и ихъ вины. Но, для бѣднаго мальчика, башмаки остаются башмаками, и Гансъ со вздохомъ подцѣпилъ ихъ и вынулъ изъ нихъ воду. Каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что башмаки расцвѣтились яркими красками. Гансъ такъ залюбовался башмаками, что совсѣмъ позабылъ о яблокахъ. Онъ сѣлъ у края дороги и началъ тереть башмаки рукавомъ своей курточки; они скоро стали сплошь ярко красными.

Какой-то кривой человѣчекъ, проходившій мимо, остановился и сталъ смотреть.

— Какіе роскошные башмаки! — промолвить онъ. — Продай ихъ мнѣ. Я дамъ тебѣ за нихъ червонецъ.

Гансъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на червонецъ. „На это, подумалъ онъ, я куплю себѣ крѣпкіе кожаные башмаки, да еще, въ придачу, и ѣды“.

Слѣдуетъ замѣтить, что червонецъ былъ не изъ настоящаго золота, и кривой человѣкъ зналъ про это, и, по-видимому, знали про это и удивительные башмаки, потому что, стоило человѣку надѣть ихъ, какъ они помчали его по дорогѣ такой рысью, что онъ потерялъ сначала свою шляпу, а потомъ и парикъ. И такъ негодные башмаки задали ему веселую гонку, а подъ конецъ засадили его прямо въ середину густаго терноваго куста.

Тамъ Гансъ и нашелъ его, когда, наконецъ, и онъ добѣжалъ до этого мѣста.

— Возьми свои башмаки; они заколдованные! — закричалъ человѣкъ, швырнувъ ихъ на дорогу. — А, пока, помоги мнѣ выбраться изъ этого кустарника.

Гансъ помогъ человѣку высвободиться, и тотъ, какъ только очутился на свободѣ, отправился туда же, откуда пришелъ. Онъ даже не удосужился сказать спасибо и не поднялъ съ земли червонца, который Гансъ кинулъ ему въ догонку.

Послѣ этого, Гансъ опять уложилъ башмаки въ узелокъ; теперь уже онъ былъ твердо убѣжденъ, что они заколдованные.

Незадолго до наступленія ночи, онъ пришелъ въ большой городъ съ мощеными улицами и великолѣпными домами. Немного дальше, на склонѣ холма онъ могъ различить замокъ со множествомъ башенокъ.

„Это, навѣрное, городъ Эмсъ, въ которомъ живетъ король Эльфредъ“, подумалъ Гансъ. „Нужно будетъ надѣть теперь башмаки, а то стыдно идти босикомъ по такому городу“.

Онъ надѣлъ башмаки, и немедленно они затѣяли пляску. Нужно сказать, что Гансъ любилъ музыку, и, какъ только башмаки его заплясали, онъ началъ подпѣвать; и такъ онъ подвигался по главной улицѣ, танцую и распѣвая, что было слыть. Скоро уже за нимъ двигалась большая толпа народа. Когда они добрались до базарной площади, Гансъ обернулся и сталъ разглядывать толпу.

„Какія на нихъ темныя платья! Какія у нихъ торжественно строгія лица!“ подумалъ онъ. „Дай-ка я попробую развеселить ихъ немножко“. И онъ продолжалъ танцовать, и припрыгивать, и пѣть свои потѣшныя пѣсенки, пока совсѣмъ не выбился изъ силъ. Сначала люди въ толпѣ только улыбались, потомъ они начали смѣяться, и въ концѣ концовъ уже такъ неудержимо хохотали, что слезы потекли у нихъ по лицу. Гансъ нѣсколько разъ пытался остановиться, но башмаки не давали ему передохнуть, пока онъ не снялъ ихъ совсѣмъ и не поставилъ передъ собой на мостовой. Толпа немедленно обступила его тѣснѣе; насыпали ему въ башмаки серебряныхъ монетъ и просили его еще потанцовать.

Но Гансъ покачалъ головой. У него было одно желаніе—получить хорошій ужинъ и мягкую постель, ибо онъ былъ въ изнеможеніи послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ ходьбѣ. Но когда въ его карманахъ зазвенѣли монетки, а толпа обступила его, прося еще потанцовать, въ немъ пробудилась алчность.

„Я еще потанцую — сказалъ, онъ себѣ. — Можетъ быть, они дадутъ мнѣ на этотъ разъ золота“.

Онъ надѣлъ свои башмаки и началъ насвистывать веселую пѣсенку, но его ноги, словно приросли къ мостовой; волшебные башмаки отказывались танцовать.

Но толпа все тѣснѣе обступала его. — Танцуй, чужестранецъ, танцуй, — настоятельно требовалъ одинъ старикъ. — Я давно такъ хорошо не смѣялся, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ...

— Тссъ! — сказали, понизивъ голосъ, его сосѣдъ. — Люди короля могутъ услышать васъ.

— Вы тамъ, раздайтесь! — крикнулъ вдругъ чей-то повелительный голосъ. — Что это за скопище? — И человекъ, одѣтый въ черный бархатъ и сидѣвшій на ворономъ конѣ, вѣхалъ въ середину толпы.

— Это герцогъ Ульва, двоюродный братъ короля, — шепнулъ чей-то дружескій голосъ Гансу въ самое ухо. — Бѣги скорѣе прочь! — Но Гансъ продолжалъ стоять, такъ какъ онъ не зналъ за собою никакого дурного поступка.

Народъ разбѣжался по сторонамъ, оставя Ганса одного по-серединѣ площади.

— Эй ты, шутъ, это ты причина такого непристойнаго веселья? — спросилъ герцогъ. — Тебѣ неизвѣстно развѣ, что это городъ печали?

— Я нездѣшній, — отвѣтилъ Гансъ, — и я ничего не зналъ.

— Развѣ ты не видишь черныя одежды, въ которыя всѣ здѣсь одѣты, и знаки скорби на улицахъ? — спросилъ герцогъ строго. — Убирайся прочь отсюда! Мы не желаемъ терпѣть твоего шутовства!

Гансъ радъ былъ радешенокъ, что убрался по-добру по-здорову. Подхвативъ свои башмаки подмышку, пустился онъ бѣжать, что было духу, и скоро добрался до гостиницы, находившейся въ предмѣстьѣ города. Хозяинъ гостиницы посмотрѣлъ на него недовѣрчиво, когда онъ спросилъ себѣ ужинъ и ночлегъ, но Гансъ вытащилъ свои серебряныя монетки, и тогда уже ему не было отказа.

— Какъ это такъ вышло, что это городъ печали?— спросилъ Гансъ за ужиномъ.

— Это грустная исторія— началъ хозяинъ гостиницы, — но, такъ какъ ты нездѣшній, я расскажу тебѣ про нее. Произошло это такимъ образомъ: у нашего добраго короля Эльфреда былъ единственный сынъ, котораго онъ любилъ безумно. Однажды, во время охоты, принцъ упалъ съ лошади и убилися на мѣстѣ. Король далъ клятву хранить печаль всѣ дни своей жизни, и его печаль долженъ былъ раздѣлять дворъ и всѣ жители города. Пять долгихъ лѣтъ уже, какъ мы держимъ клятву, и печально живетъ теперь въ Эмсѣ. Вся наша молодежь уходитъ отъ насъ, и удивляться тутъ нечему.

Утромъ, Гансъ вышелъ на улицу. Въ карманахъ его стало много свободнѣе послѣ того, какъ онъ расплатился съ хозяиномъ гостиницы. Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ увидѣлъ бѣдно одѣтаго старика, который согнулся въ три-погибели подъ вязанкой дровъ. Онъ остановился въ этотъ мигъ, чтобы отдохнуть немного, а Гансъ тѣмъ временемъ сунулъ ему въ руку нѣсколько монетокъ. Нѣсколько далѣе стоялъ слѣпой нищій, держа въ рукѣ деревянную чашку, и Гансъ отсыпалъ въ нее малую толику. Чѣмъ легче становилось у него въ карманѣ, тѣмъ легче становилось у него и на сердцѣ, а также прибавлялось легкости и въ ногахъ. Послѣднюю, остававшуюся у него монету онъ отдалъ одной бѣдной женщинѣ, которая сердечно поблагодарила его.

— Благослови тебя Богъ, мальчикъ!— сказала она.— У тебя доброе сердце и легкія ноги. Дай Богъ тебѣ потанцовать передъ королемъ.

— Я бы ничего не имѣлъ противъ,—возразилъ Гансъ и засмѣялся.

Не успѣвъ онъ выговорить эти слова, какъ его башмаки начали пляску и стали увлекать его куда-то помимо его воли. Однако онъ скоро сообразилъ, что дорога, по которой двигается онъ, танцуя, ведетъ въ гору къ самому королевскому замку; при этомъ Гансъ чувствовать, что не можетъ остановить своихъ ногъ. Онъ продолжалъ танцовать, пока не добрался до королевскаго замка; торжественный привратникъ широко раскрылъ на Ганса глаза, но одинъ изъ красныхъ деревянныхъ башмаковъ слегка ударилъ въ ворота, и они раскрылись, и Гансъ, танцуя, вошелъ въ замокъ. Пронесся по двору мимо удивленныхъ придворныхъ, мужчинъ и женщинъ, поднялся по ступенямъ въ большой замковѣй залъ, еще по мраморнымъ ступенямъ, мимо двухъ окаменѣвшихъ отъ изумленія стражей, и наконецъ, очутился въ тронной палатѣ. Какъ ни запыхался Гансъ, однако не пересталъ танцовать даже и тогда, когда увидѣлъ передъ собой одѣтаго въ черное короля, хотя и зналъ онъ, что это грозило ему жизнью. И онъ продолжалъ насвистывать и напѣвать, и танцовать, какъ никогда доселѣ.

Лицо короля потемнѣло, какъ туча, когда онъ замѣтилъ Ганса. Стоило бы ему поднять палецъ, и немедленно солдаты, стоявшіе вокругъ, схватили бы Ганса и отвели въ подземелье. Но король не поднялъ пальца, потому что веселая, привлекательная рожица мальчика понравилась ему, и у него не хватило духу остановить его. Сначала, онъ только улыбался съ нѣкоторымъ достоинствомъ, но, подъ конецъ, веселыя пѣсенки и прищелкивающіе красные башмаки сдѣлали свое дѣло: его разобрало, и онъ началъ смѣяться, и смѣялся до колотья въ боку. Гансъ танцовалъ

до тѣхъ поръ, пока не выбился изъ силъ; тогда онъ скинулъ свои красные башмаки и такъ и повалился на полъ у самыхъ ногъ короля.

— Продолжай танцевать, мальчикъ,—запросилъ король, когда онъ могъ, наконецъ, произнести слово.— Я, уже сколько лѣтъ, какъ не смѣялся такъ. Вотъ тебѣ золото, танцуй!

И онъ кинулъ пригоршню монетъ къ ногамъ Ганса.

Но Гансъ уже былъ проученъ своими башмаками.

— Я не танцую за золото,—сказалъ онъ просто.—Я танцую только ради того, чтобы доставить людямъ радость.

— У тебя будетъ княжеское платье, и ты будешь ѣсть за моимъ столомъ,—сказалъ король сердечно.—Ты будешь танцевать передо мной каждый день, ибо у тебя веселая душа, и я хочу, чтобы ты былъ возлѣ меня.

Но нужно замѣтить, что у самага трона короля стоялъ герцогъ Ульва, и очень онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что происходило, потому что онъ не желалъ, чтобы кто-нибудь, кромѣ него, пользовался благосклонностью короля.

— Мальчишка-то, вѣдь, простой шутъ,—шепнулъ онъ на ухо королю.— Я видѣлъ, какъ онъ вчера плясалъ на площади, и народъ засыпалъ его деньгами. Такъ я и повѣрилъ, что онъ танцуетъ не ради золота!

— Но онъ танцуетъ очень хорошо,—настаивалъ король.— По моему, онъ получаетъ только по заслугамъ.

— Всякій будетъ хорошо танцевать въ такихъ башмакахъ, государь,—шипѣлъ герцогъ.— Башмаки-то, вѣдь, заколдованные.

— Ну, такъ надѣньте эти башмаки вы, кузень,—сказалъ король,—если ваши слова справедливы, то вы сумѣете показать намъ веселый танецъ.

Гансъ сидѣлъ такъ близко, что услышалъ слова короля, который въ своемъ нетерпѣннѣи возвысилъ голосъ. Гансъ немедленно всталъ и съ низкимъ поклономъ предложилъ красные башмаки герцогу Ульвѣ. Герцогъ взялъ ихъ безъ особеннаго удовольствія, потому, что у него не было ни малѣйшаго желанія танцовать передъ королемъ и его придворными; но для него не было выбора. Онъ взялъ башмаки и началъ съ любопытствомъ разсматривать ихъ.

— Боюсь, что они мнѣ не впору будутъ, — замѣтилъ онъ.

— Примѣрьте ихъ — настаивалъ король, и герцогу пришлось повиноваться.

Но, какъ вамъ извѣстно, башмаки-то были волшебные, и они приходились впору всякой ногѣ; такъ и герцогу они пришлись совершенно по ногѣ.

— Теперь танцуйте, кузень — приказалъ король.

Нужно вамъ сказать, что при дворѣ не было танцора лучше, чѣмъ герцогъ Ульва, но, когда онъ на этотъ разъ попробовалъ танцовать, у него ничего не вышло. Онъ попробовалъ поднять ногу отъ земли, нога казалось прилипшей къ полу; онъ не могъ сдѣлать ни одного шага. Маленькіе красные башмаки отказывались танцовать на этотъ разъ, потому что въ сердцѣ герцога таилась зависть и злоба.

Герцогъ Ульва слышалъ, какъ хихикали дамы, онъ видѣлъ гнѣвное лицо короля и сострадательный взоръ Ганса; дольше онъ не могъ вытерпѣть, но, отшвырнувъ отъ себя волшебные башмаки, онъ бросился вонъ изъ зала. Съ тѣхъ поръ его не видали больше.

Когда герцогъ скрылся, король Эльфредъ сошелъ съ трона и, взявъ Ганса за руку, возвелъ его на возвышеніе.

— Ты хорошій малый, и ты будешь для меня хорошимъ сыномъ,—сказалъ онъ. — Ты заступишь мѣсто того, ради кого я такъ долго предавался печали.

Послѣ этого, въ залѣ наступили празднества, наступила радость на долгіе дни. Король снялъ съ себя трауръ, то же самое сдѣлали придворные, и жители города немедленно послѣдовали ихъ примѣру.

Гансъ оказался хорошимъ сыномъ для короля Эльфреда: онъ покоилъ его послѣдніе дни, а когда того не стало, онъ вступилъ на его престолъ. Народъ привѣтствовалъ короля Ганса радостными кликами — они не могли забыть, чѣмъ они были обязаны Гансу и его волшебнымъ бабшкамъ.

СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ИЗЪ ПАСХАЛЬНЫХЪ ПРЕДАНІЙ.

Памяти моей няни Пелагеи
Сергѣевны, умершей на Пасхѣ.

I.

ПЛАКУНЪ-ТРАВА.

Когда положили въ гробъ и погребли Христа въ каменной пещерѣ въ саду Іосифа Аримаѣйскаго, шла Богородица и плакала. И капали ея слезы на землю часто, часто, какъ отъ весенняго дождя. А кругомъ росли высокіе кипарисы, они видѣли, какъ плакала Богородица, и шептались между собою и, низко наклонившись вѣтвями, спрашивали землю:

— Земля, земля! Что ты сдѣлаешь съ Богородицыными слезами?

— Я соберу ихъ,—отвѣчала земля,—я ихъ спрячу всѣ въ глубокой пещерѣ. Онѣ будутъ тамъ сверкать, какъ безцѣнные алмазы, какъ голубые сапфиры. Я буду беречь ихъ въ глубокой темной пещерѣ.

— Но придутъ люди,—сказали кипарисы,—и похитятъ драгоценные алмазы и сапфиры, продадутъ ихъ хитрымъ купцамъ, а тѣ отошлютъ ихъ за море, къ персидскому царю. Онъ вставитъ ихъ въ свой царскій вѣнецъ, и будутъ всѣ любоваться на драгоценные камни, забудутъ люди про Богородицыны слезки.

Задумалась земля и сказала:

— Ну, я отнесу слезинки на высокую гору, я превращу ихъ въ ледяныя жемчужинки, которыя никогда не растаютъ. Ихъ никто не найдетъ на высокой горѣ, у вѣчныхъ снѣговъ. Тамъ будутъ лежать онѣ, и солнце не растопитъ ихъ.

И сказали кипарисы:

— Да, солнце не растопитъ ихъ. Люди ихъ никогда не увидятъ, и мы, деревья, и вы, цвѣты,—никто ихъ тамъ не увидитъ. И забудутъ про пречистыя Богородицыны слезы.

— Не знаю, какъ сохранить мнѣ ихъ,—сказала земля, и было ей грустно, и стала она печальная. Пролеталъ тихій вѣтеръ, наклонился къ землѣ и зашепталъ:

— Слушай, земля. Я скажу тебѣ.

Вырасти ты изъ тѣхъ слезъ тихую травку—и пусть у нея будутъ цвѣточки, какъ маленькія слезки. Я буду пролетать надъ нею и тихо шевелить травкой. Я разнесу ея сѣмена по всему свѣту. И люди, смотря на печальную травку, будутъ вспоминать Богородицыны слезы.

И вы, цвѣты, и вы, деревья, и ты, частый дождь, и птицы, и звѣри въ лѣсу, и самыя маленькія букашки въ

полѣ, всѣ будутъ помнить Богородицѣны слезки, и никогда не исчезнутъ изъ міра. Ея пречистыя слезы по Ея любимомъ Сынѣ.

И послушалась земля вѣтра. Выросла изъ Богородицѣныхъ слезъ печальная Плакунъ-трава, и задрожала, загоревала, заплакала объ умершемъ Христѣ, какъ Пречистая Мать о Сынѣ.

Кто Плакунъ-траву не рветъ, а раститъ, отъ того горе уходитъ, у того слезы высыхаютъ.

II.

КАКЪ ДЕРЕВЬЯ, ТРАВЫ И ЦВѢТЫ УЗНАЛИ ПРО ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНІЕ.

Всѣ деревья, и травы, и птицы, и звѣри, и даже безгласныя рыбы въ глубокихъ моряхъ, знали, что Христосъ воскреснетъ, они знали это такъ же, какъ ангелы и люди.

И была рѣчь между деревьямъ, травъ и цвѣтовъ.

— Но какъ мы узнаемъ, что Онъ воскресъ! кто намъ скажетъ объ этомъ. Людямъ скажутъ ангелы, они любятъ людей. Но какъ узнаемъ мы? Вѣдь мы — не можемъ двигаться, и у насъ нѣтъ глазъ, чтобы видѣть. Мы не можемъ подойти къ Его гробу, мы не увидимъ Его лица.—И они были печальны и тихо дрожали въ тоскѣ, наклоняясь низко къ землѣ.

— Можетъ быть, ты, земля, скажешь намъ тогда, когда Онъ воскреснетъ?

Но земля ничего не отвѣчала: она сторожила покой усопшаго Христа.

— Мы спросимъ тогда у старыхъ камней, которыми заваленъ входъ въ пещеру, гдѣ погребенъ Христось,—рѣшили деревья и травы.

— Они скажутъ намъ: вѣдь они первые узнаютъ, когда Онъ воскреснетъ.

И наступила ночь, когда Христось воскресъ.

Люди узнали объ этомъ отъ Ангела, вѣтеръ слышалъ, какъ люди говорили другъ другу: Христось Воскресъ! — и передалъ эту вѣсть облакамъ и синему небу, а самъ добѣжалъ до дальнихъ звѣздъ и до солнца и имъ сказалъ. А деревья, цвѣты и травы еще не знали, что Христось воскресъ. Старые камни были отвалены отъ гроба и они уже знали все, но никому не могли сказать: они были безгласны и неподвижны. И по тому, что солнце сіяло свѣтлѣй, чѣмъ всегда, и люди были радостнѣе, и вѣтеръ вѣялъ вольнѣй и нѣжнѣй,—деревья и травы догадывались о чемъ-то и шептали другъ другу:

— Что-то случилось въ эту ночь, но мы не знаемъ, что.

И было имъ грустно, потому что радость людей была не для нихъ.

Ихъ разговоръ слышалъ маленькій худенькій зябликъ. Онъ вспорхнулъ съ высокаго печальнаго кипариса и полетѣлъ въ садъ, туда, гдѣ была пещера. Камни были отвалены отъ входа и зябликъ влетѣлъ внутрь пещеры: тамъ былъ полумракъ, но онъ все видѣлъ. Каменный гробъ былъ пустъ и бѣлыя пелены лежали на камнѣ. А три дня назадъ, зябликъ видѣлъ, какъ туда клали мертваго человека и покрывали Его тѣло бѣлыми пеленами. Потомъ зябликъ видѣлъ, какъ пришли другіе люди и завалили входъ въ пещеру тяжелыми камнями и стали на стражѣ.

Зябликъ полеталъ около пещеры. Онъ слышалъ, какъ

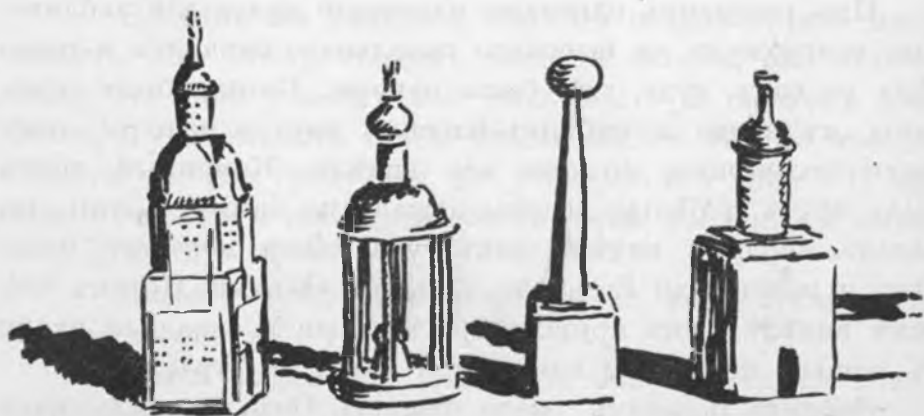
люди, приходившіе въ садъ, говорили другъ другу: „Онъ воскресъ. Пещера пуста. Онъ воскресъ“. Зябликъ поднялся надъ землей. Онъ слышалъ, какъ вѣтеръ неустанно пѣлъ въ вышинѣ: „Онъ воскресъ, Онъ воскресъ“. И тогда худенькій зябликъ полетѣлъ къ высокимъ печальнымъ кипарисамъ, сѣлъ на вѣтку—и запѣлъ:

— Онъ воскресъ, Онъ воскресъ!

И всѣ деревья, и цвѣты, и травы, заслышавъ его пѣсню, поняли о чемъ поетъ маленький зябликъ, и радостно зашумѣли въ отвѣтъ. Каждый листикъ и самая малая травка шумѣли отъ радости, и одна травка передавала другой, одинъ листикъ—другому. И скоро всѣ деревья, и травы, и цвѣты во всемъ мірѣ узнали, о чемъ пѣлъ худенькій зябликъ на старомъ кипарисѣ:

— Онъ воскресъ, Онъ воскресъ!

С. Д.

ПОДЗВОНОКЪ.

(Изъ разсказовъ о „лихихъ годинахъ“ *).

Уже совсѣмъ завечерѣло, когда ляшскія пушки, надорвавшись отъ рева, устали бить бѣлыя стѣны обитали, во многихъ мѣстахъ зіявшія непоправимыми ранами. Далеко потянуло дымомъ отъ вражескихъ костровъ, далеко разносились хмельные голоса веселившихся о концѣ Русскаго царства, пришедшихъ раздѣлить его, лиходѣевъ.

Никитко-подзвонокъ усталъ за день отъ побѣгушекъ—самъ отецъ-игумень взялъ его къ себѣ въ келейники, такъ какъ Данило, послушникъ его, былъ раненъ на угловой башнѣ, что отбила сегодня приступъ.

*) Рядъ этихъ разсказовъ замышленъ авторомъ. Настоящій — относится къ эпохѣ смутнаго времени (осада Т. С. Лавры).

Никитку — отецъ игумень давно привѣчалъ. Онъ-то и далъ ему прозвище — подзвонка, услыжавъ его голосокъ межъ мощныхъ басовъ на „Достойно“. А тамъ и впрямь сталъ Никитко подзвонкомъ: страсть любилъ колокола. Бывало на Святъ-День, такъ и вѣтся вокругъ колокольні, куда строго-настрога было запрещено пускать поступившихъ на послухъ, послѣ того какъ языкомъ сволокло и ударило объ земь одного молодика, что гораздъ былъ подбирать трезвонны на гласы. Не досмотрѣлъ старый отецъ Юсафъ — глянулъ, а мальченка ужъ летитъ внизъ. Хорошо еще то, что зимой дѣло было, да звонница малая — отдѣлался тотъ только синяками.

А Никиткѣ — послѣ того какъ увидалъ его отецъ игумень въ просвирной перезванивающимъ на мѣдныхъ тазахъ — позволено было поступить на послухъ къ о. Юсафу, старому монаху, что, тридцать лѣтъ, какъ оглохъ отъ колокольнаго звону — голосу человѣческаго не слышалъ, а ударъ ты ему въ двухфунтовой при двадцатиголосомъ пасхальномъ, красномъ трезвонѣ — ударъ ты ему, говорю, на полмига раньше — такъ долго будешь вихры приглаживать.

Ласково таково улыбнулся, суровый всегда, игумень, уцѣпнулъ Никитку за алую щеку и сказалъ, чтобъ звонилъ бы языкомъ своимъ поменьше, а колокольнымъ покраше: большой болтунъ былъ Никитко, а и самъ слушать былъ гораздъ; вотъ и теперъ чѣмъ бы спать итти послѣ труднаго дня, обѣжалъ трапезную, нахваталъ въ подрясникъ луку да хлѣба — и шмыгъ въ дверь на волю, къ кострамъ, не гаснувшимъ ужъ много ночей подъ стѣнами.

Не тушили костровъ и потому, что отдыхавшіе защитники Лавры обогрѣвались вокругъ огня, и потому, что

нельзя было давать остывать котламъ со смолой да съ варомъ — неровенъ часъ, захотятъ незваные гости въ потемкахъ пожаловать.

Трудное время переживала Троице-Сергіева обитель: вотъ уже больше года оцѣпила ее кольцомъ вражья рать; изморомъ думаетъ она поломать крѣпкія выи чернецовъ. Знаютъ ляхи что, какъ замокъ у скрыни—такъ и святая обитель у Бѣлокаменной: самые крѣпкіе, самые славные сыновья Царства Русскаго заперлись въ ея стѣнахъ. „Не выжечь проклятыхъ поповъ,—говорятъ враги—не видать намъ покою въ землѣ дикарей этихъ — замутятъ народъ, что ихъ голосу, какъ кличу матерняго, ждетъ, и пропадутъ наши головы“.

Такъ и горять костры напролетъ еженочно. А вокругъ костровъ, опершись на бердыши, дремлютъ, въ пол-сна воины въ рясахъ да клобукахъ. Чуть пронесется окликъ съ дозора, и сна, какъ не бывало: горять ихъ взоры ярче чищенной стали, просѣкаютъ потемки, гдѣ невѣдомыми путями наступаютъ пришельцы лиходѣи.

Горять костры подъ стѣнами, какъ свѣчечки на заутрени, тихія рѣчи ведутъ бойцы съ блѣдными, худыми лицами. Развлекаютъ себя рассказами, чтобы не думать о горькой участи родной земли, да о страшномъ томъ часѣ, когда сломятся послѣднія силы, подточенные непрерывной тревогой, усталью, голодомъ.

Никитко неслышно прокрался къ костру, какъ мышь, забился подъ ворохъ кожъ, на которыхъ раскачивали камни прежде чѣмъ свалить ихъ на головы ляховъ, и слушаетъ рассказъ старца, широкоплечаго сѣдacha, что даль обѣтъ, раньше чѣмъ не снимутъ осады, не снимать пудовыхъ веригъ съ оплечья. А и носить онъ тѣ вериги, какъ

перышко—даромъ что мясо до костей проѣли края желѣза.

Мѣрно рокочеть голосъ старца—и задумчиво внимають ему остальные, не выпуская изъ рукъ рукояти шестоперовъ. Говорить отецъ Макарій.

— И заснувъ, повидѣлъ отецъ страннѣйшій сонъ: большое разстилалось поле въ духовитыхъ цвѣтахъ да травахъ. И лежитъ на томъ полѣ вся братія, кто ничкомъ, кто на боку—мертвы не мертвы, а сномъ будто тяжкимъ захвачены. Тихо все. Только, видитъ отецъ, поднимается съ земли человѣкъ—лицомъ смутенъ, взоромъ теменъ, а вмѣсто сапогъ—копыто. И идетъ онъ по полю и срываетъ цвѣты-лѣпнянки, что будто смолой медовой помазаны, срываетъ онъ ихъ горстями и кидаетъ на отцовъ спящихъ. Къ однимъ цвѣты тѣ аленькіе пристають, а съ другихъ скатываются. И много ужъ подъ тѣми цвѣтами не видать стало! Проснулся отецъ--разказалъ игумену сонъ свой—тяжко ему на душѣ было. Тогда то оно и невдомекъ было, а теперь и сказывается! Ой, многихъ, братія, прельстилъ діаволь бѣсовскими своими цвѣтами. Много православныхъ полегло спать навѣки!

Глухо гудить голосъ старца Макарія, но ужъ никто не внимаетъ ему: тяжелая дрема спаяла вѣки—не двинуть рукою, застывшей на желѣзѣ. Вотъ и самъ разказчикъ умолкъ.

Зѣвнулъ Никитко—перекрестилъ ротъ рукою и ползкомъ прокрался на стѣну. Ужъ брежжетъ еле-еле на востокъ, и почти потухъ костеръ на стѣнѣ подъ большимъ котломъ со смолою. Смотритъ Никитко, а ключникъ отецъ Симеонъ, что на верхнемъ дозорѣ, лежитъ у костра ничкомъ, распластавъ руки,—неужто заснулъ? Нѣтъ, не сонъ то свалилъ

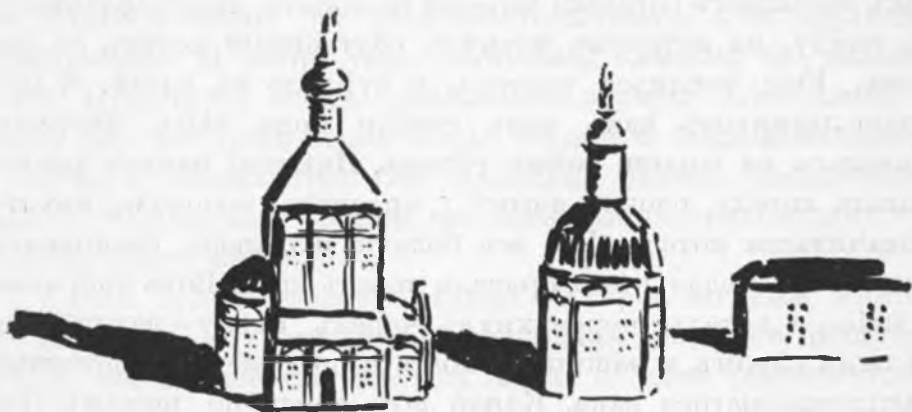
его: бѣжить алая струйка съ виска по стѣнѣ растекаясь, и ужъ запекается и темнѣеть. Не впервой Никитко видить убитыхъ, а все жутко смотрѣть. А былъ и ласковъ къ нему Семень и часто его по рыбу бралъ, и силки училъ дѣлать. Глянулъ внизъ со стѣны Никитко, чтобъ кликнуть на помочь—анъ тамъ петля за выступъ зацѣпилась, и ужъ натягивается веревка подъ тяжестью вражескаго тѣла. Кинулся онъ къ гребню: внизу шесть польскихъ рыцарей, въ латахъ да шлемахъ, наклонились, прилаживаютъ длинный фитиль къ пороховому боченку, что вкопали подъ стѣну.

Никитко былъ не изъ робкихъ да и не изъ глупыхъ. Первымъ дѣломъ бросился онъ, было, внизъ со стѣны побудить заснувшихъ воиновъ. Но, поворотясь, замѣтилъ онъ, какъ колыхаетъ обрывки веревки на воротѣ, приправленномъ къ шесту, на которомъ чернѣлъ обугленный котель съ варомъ. Еще теплился костеръ, и бурлило въ котлѣ. А шестеро латниковъ какъ разъ стояли подъ тѣмъ мѣстомъ. Наваясь на воротъ всѣмъ тѣломъ, Никитко началъ раскачивать котель; словно языкъ у краснаго колокола, нехотя покачивался котель. Но все больше и больше становился размахъ, и бѣлая пѣна прыдала черезъ край. Вотъ еще одно усилие—и котель, перемахнувъ черезъ стѣну—заклубился бѣлымъ паромъ, и зашипѣлъ костеръ, потушенный потоками расплескавшагося вара. Капли пота текли по щекамъ Никитки-подзвонка, но боялся онъ глянуть за гребень, чтобъ не увидать мертвыхъ тѣлъ сварившихся ляховъ.

Собственноручно оттащаль за вихры отецъ игумень Подзвонка, а потомъ благословилъ на ратный доспѣхъ—на дозорѣ стоять. И скоро сняли осаду враги—какъ подошелъ къ Троицѣ красавецъ князь Скопинъ-Шуйскій—племян-

никъ царскій. Услыхавъ разсказъ про шустрого служку,—расцѣловаль онъ его въ обѣ щеки—взялъ съ собой въ Москву ко цареву двору въ стольники; хотъ былъ онъ сирота—безъ роду безъ племени. Такія были души у русскихъ дѣтей, что росли подъ грохотъ пищалей, что любили колокольный звонъ, и знали, чьей они родины.

Ник. Асѣевъ.

ПОДЪ ЕЛЮ ОЛЕНЬ.

ИГРОВАЯ НАРОДНАЯ ПЬСНЯ КАЛУЖСКОЙ ГУБ.

ЗАПЪВАЛО.

Подъ ель — ю о — лень подъ кудря — во — ю о —
— го слу — ча — ет — ся и теп — ло и хо — лод —

ХОРЪ.

ЗАПЪВАЮ.

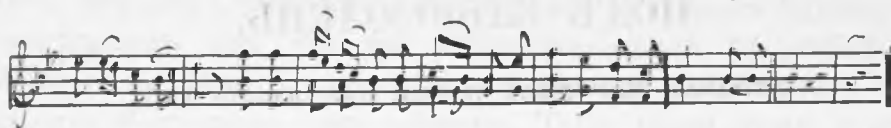

лень Тепло — ль те — бѣ, о — лень, холодно — ль тебѣ, о — лень? Тепло — ль тебѣ о — лень, хо — лод —
но*. При — о — дѣнь — ся, о — лень, приза — кутайся, о — лень. При — о — дѣнься о — лень, приза —

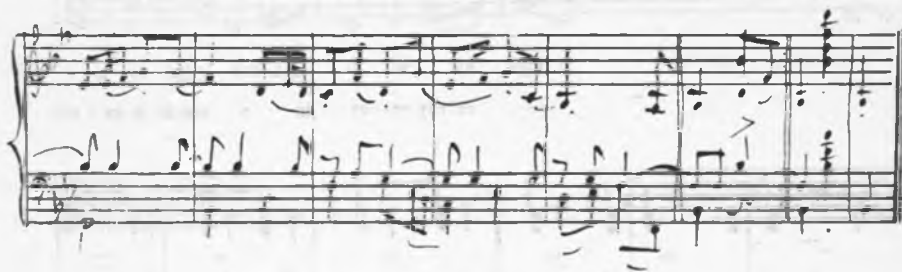

ХОРЪ.

для повторенія | конецъ

по-ль тебѣ, олень? Мнѣ все-го слу-ча-ет-ся: и тепло и хо-лод-но, Мнѣ все-
ку-тайся, олень. Съ добра мо-лодца кафтанчикъ
съ красной дѣ-вицы платокъ.

подъ елью олень *).

Подъ елью—Олень
Подъ кудрявою Олень,
Тепло-ль тебѣ, Олень?
Холодно-ль тебѣ, Олень?—
— Мнѣ всего случается:
И тепло и холодно...
Приодѣнься Олень
Призакутайся Олень,
Съ добра молодца кафтанчикъ,
Съ красной дѣвицы платокъ...

*) Записана въ Калужской губ. Я. В. Прохоровымъ.

Бери, бери Олень,
 Кто изъ кругу всѣхъ мигѣи,
 Цѣлуй, цѣлуй Олень,—
 Кто румянѣи и бѣлѣи...

Подъ эту пѣсню одинъ изъ играющихъ ходитъ по горницѣ, изображая Оленя, дѣлаетъ видъ что ему холодно, и т. д. Его укутываютъ и одѣваютъ. Подъ конецъ, Олень выбираетъ кого-либо изъ играющихъ и цѣлуетъ—тотъ долженъ вмѣсто него „водить“ другую игру, или ту же самую.

Передъ самымъ началомъ игръ всѣ участвующіе устраиваютъ особаго рода жеребьевку—кому водить: одинъ изъ участниковъ читаетъ одно изъ нижеприведенныхъ стихотвореній, по очереди указывая на всѣхъ товарищей, стоящихъ вокругъ него. Водить долженъ тотъ, кому достанется послѣднее слово.

Первенчики,
 Другенчики,
 На камушкѣ
 Бубенчики.

Цыбулики
 Булики.
 За пазухой
 Бублики.

Трынцы,
 Вольницы,
 Поповы
 Ладыницы,

Пятьсотъ
 Курья,
 Пономарь
 Илья.

Заяць,
 Мѣсяць,
 Гдѣ былъ?
 Въ лѣсѣ!

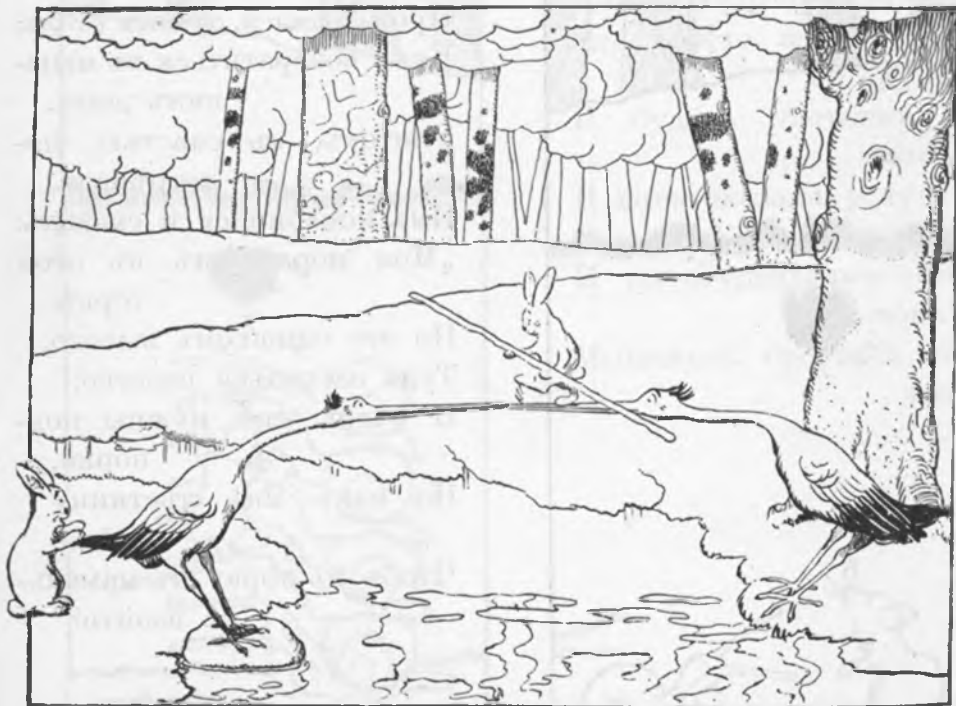
Что дѣлалъ?—
 Лыки дралъ,
 Куда клалъ?
 Подъ колоду...
 Вонъ изъ хороводу!

Разъ, два,
 Кружева (или голова).
 Три, четыре,
 Прицѣпили:
 Пять, шесть,
 Кашу ѣсть,
 Семь, восемь,
 Съно косимъ
 Девять, десять
 Деньги вѣсить,
 Одиннадцать, двѣнадцать
 Бабы на улицѣ бранятся.

Тринадцать, четырнадцать,
 Перо и чернильница!
 Висѣлъ колоколъ
 На яблонкѣ,
 Чего просить?—
 —Говядинки!—
 Соколецъ,
 Воронецъ,
 Краюшечка,
 Горбушечка,
 Кончикъ!

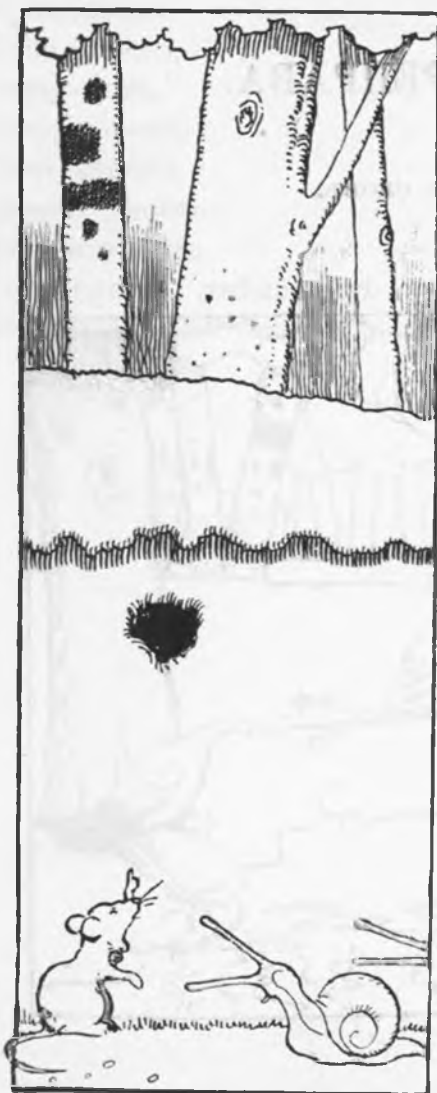
ОПАСНАЯ ПЕРЕПРАВА.

КАРТИНКА БЕЗЪ СЛОВЪ.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ МЫШЕНКА

ИЛИ УСЛУЖЛИВЫЯ УЛИТКИ.

I.

Уйдя изъ норки разъ тай-
комъ.

Мышенокъ по лѣсу блу-
ждалъ.

Проголодался, думать стальъ,
Какъ возвратиться въ мыш-
кинъ домъ.

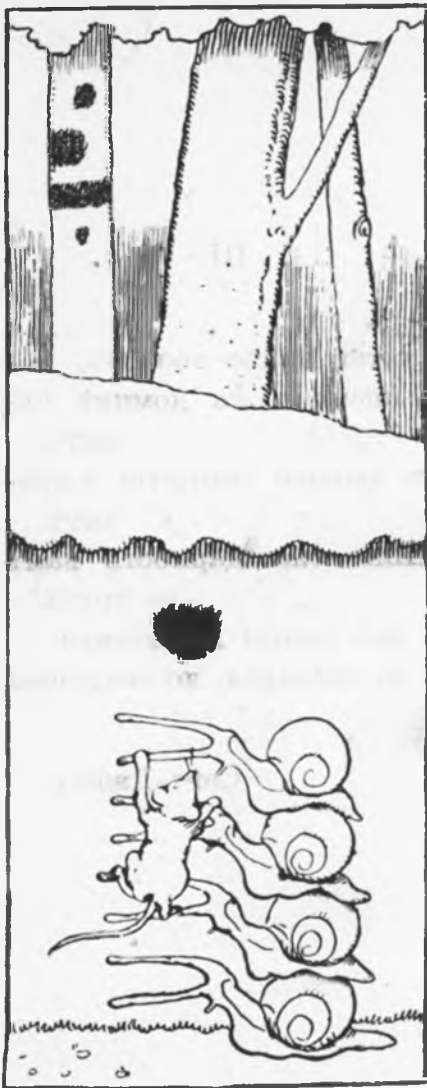
Улитокъ, къ счастью, по-
встрѣчалъ,

Имъ поклонился и сказалъ:
„Моя нора вонъ въ этой
горкѣ,

Но это слишкомъ высоко,
Туда забраться нелегко,
И очень мнѣ нужны под-
порки,

Но какъ мнѣ лѣстницу
найти,

Чтобъ въ норку къ мамень-
кѣ взойти?“

II.

„Труда большого въ этомъ
нѣтъ,—
Улитки малышу въ отвѣтъ,—
Мы просто влѣземъ другъ
на друга—
И будетъ лѣстница для
васъ“.

И вотъ оказана услуга
Готова лѣстница тотчасъ
И по ступенькамъ — топъ-
топъ-топъ—
Мышенокъ бросился въ га-
лопъ.

III.

Улитки далѣ ползутъ,
 Мышенокъ въ домикъ си-
 дитъ,
 Въ окошко смотритъ и кри-
 читъ:
 „Шлю благодарность вамъ
 за трудъ
 И всѣ благія пожеланья!
 И до свиданья, до свиданья!

Сэръ-Джикъ.

PLATE I
The Church of the Holy Trinity, Moscow, 1678

МОСКВА.

Типографія К. Л. Меѣшова, Арбатъ, Никольскій пер., л. № 21.
1914.

1874
The Church of St. George, Moscow
1874

На почернѣвшемъ корпусѣ лодки красовалась надпись, сдѣланная дѣтскою рукою: „Надежда города“.

Въ этотъ великій день долженъ быть рѣшился великій вопросъ: кто сильнѣе — городскіе школьники или деревенскіе рыбаки.

Передъ отплытіемъ всѣ воины торжественно клали ладонь правой руки на бурое пятно и, поднимъ къверху лѣвую, горячо клялись побѣдить или умереть, какъ тотъ, кто пролилъ здѣсь свою кровь.

— Отлично, ребята! Такъ и слѣдуетъ,—одобрительно говорилъ Нильсъ Реккевика, стоявшій рядомъ на берегу.

Еще нѣсколько ударовъ тяжелыхъ веселъ, и лодка остановилась на разстояніи выстрѣла отъ берега.

Вожди раздѣлили своихъ воиновъ на отряды. Всѣ молча осмотрѣли свои новые луки, натянули ихъ покрѣпче съ одной стороны и выбрали лучшія стрѣлы изъ своихъ колчановъ.

И вотъ, всѣ четыре вождя почти одновременно командовали: пали!

И цѣлая туча стрѣлъ, жужжа, понеслась къ берегу.

Нѣкоторые изъ нихъ вскорѣ упали въ воду, другія долетѣли до берега и упали на камни, но нѣсколько ударилось объ окна прибрежныхъ домиковъ. Послышался звонъ разбитаго стекла.

Въ одномъ изъ домиковъ сидѣлъ у открытаго окна отставной лоцманъ и аппетитно облизывалъ соусъ съ своей тарелки. И вдругъ въ окно со свистомъ ворвалась стрѣла, вышибла тарелку изъ рукъ старика и разбрызгала весь вкусный соусъ по стѣнѣ.

Эта исторія была темнымъ пятномъ на веселой картинѣ сраженія. Старикъ такъ перепугался, что отъ него долго

не могли добиться объясненій. Онъ не соглашался ни за что вернуться въ свою комнату, такъ что пришлось перевести его въ другую. Съ того же дня онъ пересталъ ѣсть жареную телятину съ соусомъ.

Съ „Надежды города“ было слышно, какъ бранились обитатели лоцманскаго домика. Воины видѣли, какъ изъ окна высовывались дюжіе кулаки.

И они долго не рѣшались спустить свои стрѣлы съ луковъ. Удивленіе долго не сходило съ ихъ возбужденныхъ юношескихъ лицъ.

Но вотъ изъ залива показался непріятель на нѣсколькихъ самодѣльныхъ плотяхъ и небольшихъ лодкахъ.

И тучи стрѣлъ растянутыми дугами замелькали надъ зеленой водою фьорда. Изъ толпы воиновъ изрѣдка слышался злобный визгъ, очевидно, нѣкоторыя изъ стрѣлъ попадали въ цѣль. Деревенское войско тоже, не унывая, стрѣляло изъ своихъ луковъ, но ихъ стрѣлы по большей части ударялись о высокій корпусъ старой военной баржи.

И городскіе викинги рѣшили, что они непобѣдимы, что сила и мѣткость ихъ стрѣлъ такъ же неоспорима, какъ неприступность старой славной баржи. Они рѣшили окончить битву и вернуться въ городъ. Одинъ изъ вождей отдалъ приказъ своей командѣ садиться на весла, а остальные перешли на корму, чтобы оттуда отстрѣливаться.

Но тутъ-то битва и разгорѣлась съ двойною силой.

Если деревенскіе мальчики дадутъ городскимъ уйти, значить, они признаютъ себя побѣжденными. А этого они ни за что не хотѣли. Раздѣлившись на отряды въ лодкахъ, они старались окружить громадную баржу со всѣхъ сторонъ. На баржѣ смѣялись надъ глупой затѣей.

— Если они даже окружаютъ насъ, говорили мальчуганы,

развѣ имъ взобраться на нашъ высокій корпусъ съ своихъ плотовъ!!

Но война остается войной. Нужно дѣйствовать, а не умничать.

И вотъ, вскорѣ носъ первой лодки съ грохотомъ ударился о дубовый корпусъ баржи. Самые высокіе изъ мальчиковъ цѣплялись за бортъ барки, стараясь съ помощью остальныхъ взобраться на непріятельское судно.

Команда „Надежда города“ не рассчитывала, повидимому, на то, что придется схватиться съ непріателемъ грудь съ грудью.

Въ рядахъ воиновъ произошло замѣшательство. Они нѣсколько времени беспорядочно бѣгали взадъ впередъ по палубѣ. Но потомъ опомнились, и ряды снова пошли въ порядокъ.

И круто же пришлось смѣльчакамъ, отважившимся уцѣпиться пальцами за бортъ! Имъ досталось по нѣсколько безпощадныхъ ударовъ луками по пальцамъ.

И вскорѣ по всей линіи борта громадной баржи закипѣлъ горячій бой.

Деревенскіе мальчики дрались веслами и обдавали команду „Надежды города“ цѣлыми фонтанами воды. Весла ударялись о бортъ баржи, трещали, ломались и нерѣдко доставались въ добычу непріятелю.

Нѣсколько разъ воины съ барки падали за бортъ и попадали на плоты и лодки непріятеля, но ихъ опять втаскивали съ великимъ трудомъ на корпусъ судна.

И вдругъ, одинъ изъ городской команды, сшибленный съ баржи весломъ, описалъ въ воздухѣ широкую дугу и шлепнулся въ воду!..

Изъ толпы непріятеля раздался восторженный ревъ; городская команда испустила крикъ ужаса.

Мальчика вытащила изъ воды непріятельская лодка и съ невѣроятной быстротой умчала его въ плѣнъ на берегъ.

Но мечь не замедлила явиться.

Почти въ ту же минуту Трюгге и трое изъ его товарищей съ дикимъ крикомъ бросились въ одну изъ опустѣвшихъ лодокъ непріятеля, съ лихорадочной поспѣшностью оттолкнулись отъ корпуса баржи и изо всей силы своихъ разгоряченныхъ боемъ рукъ стали грести по направлению къ городу!

Крикъ досады пронесся по беспорядочнымъ рядамъ деревенскихъ воиновъ. Непріятель завладѣть самымъ лучшимъ судномъ!

Они съ дикимъ крикомъ бросились за нимъ. Но было уже поздно!

Лодка быстро повернула за мысъ и исчезла въ узкомъ проливѣ между купальнями.

Это положило конецъ войнѣ.

Усталые и избитые воины перестали драться и остановившимися взглядами слѣдили каждый за своимъ плѣннымъ.

Когда лодки исчезли изъ виду, они стали осматривать свои раны, шишки и синяки, которыхъ не замѣчали въ пылу битвы.

Потомъ понемногу, разсѣлись по мѣстамъ и медленно стали возвращаться по домамъ. Пыль битвы остыла. Воины утомились.

Трюгге и его товарищи тщательно спрятали завоеванную лодку подъ купальни. Когда испытанная въ бою ста-

рая военная баржа пристала къ берегу, они тотчасъ же явились на бортъ.

Тѣсной гурьбой спустились они въ каюту, гдѣ повара роздали измученнымъ воинамъ куски пеклеваннаго хлѣба и кружки воды съ сиропомъ. Все это въ изобиліи было принесено изъ кухни фру Хассель и исчезло въ голодныхъ желудкахъ, какъ смытое сильной волной.

Когда запасы были уничтожены, Трюгге извлекъ изъ ящика двѣ громадныхъ голландскихъ трубки отца, которыя обошли всѣхъ побѣдителей по очереди.

Нѣкоторые изъ нихъ послѣ первой затяжки блѣднѣли, поднимались изъ каюты на палубу и, приложивъ лобъ къ холодной рѣшеткѣ, долго и задумчиво смотрѣли вглубь воды.

Но большинство затягивалось, когда наступала очередь, съ рѣшительнымъ видомъ человѣка, который исполняетъ свой долгъ, даже если онъ непріятель.

Самыми младшими воинами „Надежды города“ были два толстыхъ карапузика изъ приготовительнаго класса. Они исполняли при вождахъ роль придворныхъ шутовъ. Ихъ заставляли садиться среди пола со скрещенными ногами и корчить всевозможныя гримасы на радость и потѣху вождей.

Когда крошки—шуты въ свою очередь брались за огромную трубку, старые, испытанные въ бою воины неудержимо хохотали надъ ними.

Черезъ нѣсколько времени отъ непріятели изъ рыбацѣй деревушки явились послы.

— Если вы не скажете, куда вы дѣвали лодку,—грозно заявили они,—мы будемъ пытаться своего плѣнника. Отецъ хочетъ ѣхать вечеромъ на рыбную ловлю. Если онъ не найдетъ лодку на берегу, всѣмъ плохо будетъ!

Вожди устроили непродолжительный, но серьезный совѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ они вынесли свое рѣшеніе.

— Если вы привезете плѣнника на середину фьорда, то мы согласны привести туда же лодку и обмѣняться добычей. Но если вы осмѣлитесь хоть разъ щекотать Тора въ носу или уколете его хоть одной единственной булавкой, мы пробьемъ всю вашу лодку гвоздями и изломаемъ руль въ щепки.

Трюгге и Вилли не принимали участія въ этомъ совѣщаніи. У нихъ было уже другое на умѣ...

VI.

ЧЕРЕЗЪ КРАЙ.

Подъ конецъ трубка мира порядкомъ надоѣла Вилли и Трюгге. Что-то сжалось въ груди, имъ захотѣлось выйти на свѣжій воздухъ и вздохнуть во всю ширину легкихъ.

Они вышли на палубу, оглядѣлись кругомъ и, какъ всегда, почти безъ словъ поняли другъ друга. У пристани была привязана парусная лодка. И взгляды нашихъ пріятелей остановились на ней.

Не долго думая, они перебрались на нее, наставили парусъ и отвязали отъ берега.

Свѣжій вѣтерокъ сейчасъ же надулъ парусъ и накренилъ лодку на бокъ. Едва мальчуганы оттолкнулись отъ берега, какъ лодка, точно птица, понеслась по волнамъ, то взбираясь на гребень волны, то быстро слетая внизъ. У ея носа кипѣлъ цѣлый водопадъ, вода такъ и пѣнилась.

Ухъ! Хорошо! Хорошо и немного жутко! Трюгге всей тяжестью своего тѣла навалился на руль.

Лодочку несло прямо къ бакенамъ для пароходовъ, стоявшимъ по обоимъ берегамъ фьорда для обозначенія мели.

— Давай ловить ихъ!—крикнулъ Вилли.

И прежде, чѣмъ Трюгге успѣлъ измѣнить направление лодки, онъ уже вскочилъ на носъ, смоталъ длинную запасную веревку отъ паруса на подобіе лассо и пронзительно свистнулъ.

— Держи на правый берегъ! — командовалъ онъ. — Круче, круче!

Трюгге напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы подвести лодку вплотъ къ бакену.

— Бросай!—крикнулъ онъ.

И веревка, подброшенная опытной рукой Вилли, развернулась въ воздухъ и упала прямо на бакенъ.

— Урра!!—завопили оба.

Лодка вихремъ пронеслась дальше, веревка натянулась, дернула бакенъ съ мѣста и натянула его тросъ.

Прошло полминуты. Потомъ вдругъ лодку сильно потрянуло, произошелъ толчокъ, лодка на мгновеніе остановилась, а оба героя шлепнулись на ея дно. Мачта затрепцала, парусъ дрогнулъ и повисъ.

Это было ужасное мгновеніе. Но только одно мгновеніе... Потомъ парусъ опять надулся и лодка снова птицей понеслась по волнамъ.

Мальчики побѣднѣли. Они поняли, какая громадная опасность угрожала имъ. Но, когда они поднялись оба и увидѣли, что опасность миновала, они успокоились, храбрость снова вернулась въ ихъ горячія головы.

Бакенъ былъ привязанъ къ кормѣ лодки и, какъ трофѣй побѣды, тащился за ней по водѣ. Глядя на него, мальчики гордо улыбались другъ другу.

Побѣда!

Вдоль обоихъ береговъ фьорда находилось нѣсколько бакеновъ. Они служили пароходамъ для обозначенія глубины фьорда. Пароходы должны были проходить посрединѣ между бакенами; около береговъ дно было усажено подводными скалами.

— Правь къ слѣдующему!—кричалъ Вилли, снова смаывая веревку. Мы будемъ ковбой, а эти бакены — дикія лошади. Круче Трюгге! Урра!!

И веревка снова со свистомъ проносилась въ воздухѣ и новая добыча укрѣплялась за кормой лодки.

Мальчики дѣйствовали все смѣлѣе и смѣлѣе.

Когда всѣ „степныя лошади“ были переловлены, Трюгге и Вилли повернули парусъ и лодка, сдѣлавъ крутой поворотъ, пошла въ обратный путь. За ея кормой, поднимая пѣну, тянулись три маленькихъ бакена и одинъ большой.

Нильсъ Реккевика стоялъ на пристани, когда наши герои причалили къ ней. Онъ подошелъ къ лодкѣ, чтобы помочь своему любимцу укрѣпить тяжелую лодку, и такъ и остолбенѣлъ отъ ужаса.

— Это что жъ такое?—проговорилъ онъ.

— Степныя лошади, мустанги,—пояснилъ Трюгге.

— Что-о?

— Степныя лошади, старина! Или буйволы, если хочешь. Мы съ Вилли—ковбой.

Нильсъ Реккевика взглянулъ на фьордъ, гдѣ не видно было ни одного бакена и глаза его вспыхнули, кровь ударила въ голову.

— Да ты съума сошелъ, мальчишка, что ли?—воскликнулъ онъ, какъ только оцѣпенѣніе его прошло.— Вѣдь пароходъ сейчасъ придетъ!

И онъ какъ бомба упалъ въ лодку.

— Пошли прочь отсюда, бѣсенята!—сердито крикнулъ онъ, выпроваживая мальчиковъ изъ лодки звонкими тумаками.

Онъ въ одно мгновеніе снова наставилъ парусъ и полетѣлъ къ пристани для большихъ пароходовъ.

Въ это время изъ-за мыса раздался громкій гудокъ.

Мальчики переглянулись, и холодный ужасъ заползъ въ ихъ сердца. Они какъ-то согнулись, но не въ силахъ были бѣжать, и тихо спрятались за ящиками на пристани.

Только теперь они поняли, чѣмъ могла кончиться ихъ шалость.

Черезъ нѣсколько минутъ бѣлая гордая громада парохода показалась изъ-за мыса. Съ обычнымъ спокойствіемъ направилась она въ хорошо знакомый узкій проливъ.

И Трюгге и Вилли въ первый разъ стало понятно, зачѣмъ постоянно качались на волнахъ эти уродливые бакены. Они такъ привыкли къ нимъ съ самаго ранняго дѣтства, что имъ ни разу не пришло въ голову задуматься надъ тѣмъ, для чего они нужны.

Между пароходомъ и Нильсомъ Реккевика происходило что-то вродѣ гонки. Кто первый дойдетъ до узкаго пролива, Нильсъ или пароходъ?!

Старикъ говорилъ потомъ, что онъ согласенъ лучше утопиться, чѣмъ пережить второй разъ такой страхъ.

Онъ всѣми силами старался, чтобы его замѣтили съ парохода, кричалъ, размахивалъ руками... И всетаки онъ успѣлъ. Штурманъ замѣтилъ его и ему удалось провести за собой пароходъ по вѣрному курсу.

Послѣ этого Трюгге вдругъ почувствовалъ, что такъ продолжаться не можетъ, что въ его молодой жизни произойдетъ какой-то переломъ.

На душѣ его накопилось слишкомъ много грѣховъ; сердце сжималось подъ тяжестью событій.

И, придя домой, онъ бросился на диванъ, закрылъ лицо руками и судорожно разрыдался. Это означало, что дѣло было совсѣмъ плохо, что Трюгге пришелъ въ отчаяніе. Иначе онъ не плакалъ бы такъ, чтобы его могли услышать.

Фру Хассель подошла къ нему и положила ему руку на голову.

— Что, Трюгге? Развѣ такъ тяжело жить? — сказала она, улыбаясь.

— Да, — вздохнулъ Трюгге. — Я не знаю, что мнѣ дѣлать. Со мной вѣчно выходятъ исторіи!

Въ это время въ комнату вошелъ отецъ.

— Встань, Трюгге, — сказалъ онъ строго, — и перестань плакать! Развѣ ты видалъ когда-нибудь, что мужчины плачутъ?

Отецъ вообще рѣдко говорилъ; его слова сильно по-дѣйствовали на Трюгге. Онъ выпрямился, вытеръ слезы и пересталъ плакать. Онъ тупо смотрѣлъ передъ собой своими влажными голубыми глазами, и тѣло его вздрагивало отъ недавнихъ рыданій.

— Тебя слѣдовало бы строго наказать за это, — началъ опять отецъ. — Но ты, кажется, ужъ и самъ понялъ, что тебѣ не мѣшаетъ быть поосмотрительнѣе въ своихъ палаткахъ. Да подумай немножко и о насъ. Я только что получилъ счетъ на двадцать пять рублей за разбитыя стекла изъ деревни на фьордѣ. Что вы тамъ опять натворили? Я заранѣе могу сказать, что если ты участвуешь въ игрѣ,

такъ она добромъ не кончится. Сосѣдка сейчасъ жаловалась на тебя, что ты давалъ курить ея мальчишкѣ? И притомъ это былъ мой табакъ, конечно! Ты ради своихъ друзей не бережешь ни насъ, ни себя.

— Это была только трубка мира, — тихо пояснилъ Трюгге.

— Очень можетъ быть, — согласился отецъ, — но помни, Трюгге, мои слова: испытывай все, но держись хорошаго! А хорошъ былъ табакъ, а?

— Еще бы!

— А не хочешь ли ты отправиться въ Англiю и отвѣдать, какой они тамъ курятъ? Что ты скажешь на это? „Ресква“ завтра отправляется въ Ярмутъ. Тебѣ совсѣмъ не мѣшаетъ проѣхать. Ты, можетъ быть, поумнѣлъ бы немного и стать бы осторожнѣе?

— Ему еще рано, — вмѣшалась мать. — Другіе были старше его чуть не на три года, когда ты отправилъ ихъ въ первый разъ.

— Ну! Судя по его подвигамъ, ему вовсе не рано, — возразилъ отецъ. — Чѣмъ раньше начнешь, тѣмъ большаго достигнешь, говорятъ моряки. Попроси маму собрать тебя въ дорогу, Трюгге, и самъ сегодня вечеромъ отвезешь свой багажъ на лодкѣ къ „Ресквѣ“. Ты знаешь, гдѣ она стоитъ. Я далъ шкиперу Меркъ десять рублей на твою долю. Можешь привезти намъ оттуда подарки. Они съ братомъ позаботятся о тебѣ. Тебѣ будетъ хорошо. Только, пожалуй, отвыкнешь разъ навсегда ѣсть соленую рыбу. Ну, да это не бѣда.

Съ переполненнымъ радостью сердцемъ, Трюгге поднялся съ дивана и подошелъ къ отцу. Протянувъ ему руку, онъ съ чувствомъ произнесъ:

— Спасибо, папа!

— На здоровье, милостивый государь! — отвѣтилъ отецъ. — Поѣзжай себѣ, а я постараюсь уладить здѣсь всѣ твои дѣла. Потомъ тебѣ придется думать объ этому самому. Помни, что это послѣдній разъ.

— Да, благодарю, — еще разъ отвѣтилъ Трюгге и поклонился.

— Счастливымъ путъ! И веди себя тамъ, какъ подобаешь норвежцу.

И отецъ крѣпко пожалъ загорѣлую жесткую ручку Трюгге и ушелъ къ себѣ.

VII.

ИЗГНАННИКЪ.

Итакъ, Трюгге былъ изгнанъ изъ своего отечества. Онъ зналъ изъ исторіи, что это было большимъ позоромъ, но его изгнаніе представлялось ему почетнымъ и доставляло ему исключительно одно удовольствіе.

Только вотъ соленая рыба.

Соленая рыба появлялась на столѣ утромъ, когда Трюгге, вставъ съ койки, выходилъ къ столу, а на палубѣ были двѣ склянки.

Соленая рыба подавалась къ обѣду въ каютѣ, гдѣ онъ кушалъ вмѣстѣ съ шкиперомъ Меркъ и штурманомъ Меркъ.

Соленая рыба подавалась и къ ужину, и, засыпая, Трюгге сквозь сонъ слышалъ все ея же запахъ.

Даже во снѣ Трюгге видѣлъ соленую рыбу. Онъ видѣлъ, что она лежитъ около камбуза (судовой кухни) на бочкѣ и печально смотритъ на него своими полумертвыми сонными глазами. Потомъ она вдругъ поднималась на свой

хвостъ и начинала танцовать, медленно раскачиваясь передъ Трюгге. Она приближалась къ нему все быстрѣе и быстрѣе и вдругъ хватала Трюгге за горло и начинала его душиить...

Шкиперъ Меркъ и штурманъ Меркъ, какъ истые моряки, ѣли соленую рыбу четыре раза въ день.

— Вы пересаливаете, друзья мои,—сказалъ имъ однажды судовладѣлецъ Хассель,—нельзя же питаться одной рыбой.

— Соленая рыба и свѣжій воздухъ,—отвѣтили братья, одинъ вслѣдъ за другимъ,—никогда не могутъ надобѣсть.

Воздухъ, море и соленая рыба были одинаково необходимы братьямъ-морякамъ. Если бы когда-нибудь они были лишены одного изъ этихъ трехъ предметовъ, они тотчасъ же умерли бы; какъ шкиперъ Меркъ, такъ и штурманъ Меркъ.

Никто никогда не видѣлъ шкипера Меркъ безъ его брата-близнеца штурмана Меркъ, даже тѣ, кто знали его съ дѣтства. Штурманъ Меркъ всегда ходилъ съ правой стороны брата, на одинъ шагъ позади него. Наперекоръ всѣмъ морскимъ правиламъ и обычаямъ, шкиперъ Меркъ и штурманъ Меркъ всегда стояли на вахтѣ вмѣстѣ и вмѣстѣ же отдыхали. И несмотря на это, никто не слышалъ, чтобы они разговаривали между собою.

Одного только человѣка на всемъ обширномъ бѣломъ свѣтѣ они горячо любили и уважали. Это былъ ихъ хозяинъ, судовладѣлецъ Хассель. Немаловажной причиной ихъ привязанности была его молчаливость.

Въ обществѣ стариковъ Трюгге понемногу отвыкалъ отъ своей привычной болтливости. Внизу, въ ихъ полутемной каютѣ уже много лѣтъ тому назадъ поселился духъ молчанія и владычествовалъ въ ней безраздѣльно. Больше

полѣтка прожили въ ней братья близнецы, безчисленное число разъ прошли они въ ней отъ береговъ Норвегіи къ берегамъ Англій или Испаніи, и обратно, немало бурь выдержали они, и ни разу не сказали другъ другу ни одного лишняго слова.

Трюгге всегда бывалъ настроенъ какъ-то особенно благонаравно, сидя въ каютѣ у братьевъ. Жизнь представлялась ему серьезнымъ дѣломъ, шалости не приходили даже въ голову. Запахъ соленой рыбы наполнялъ его душу сознаниемъ, что жизнь не шутка, тяжелымъ камнемъ ложился на его грудь и заставлялъ умолкать его болтливый языкъ.

И онъ, повертѣвшись немного въ каютѣ, спѣшилъ опять къ матросамъ или на палубу.

Тамъ были и плотникъ, и боцманъ, и поварь, и юнга, все замѣчательные люди. Но замѣчательнѣе всѣхъ былъ плотникъ. Трюгге ни прежде, ни послѣ не встрѣчалъ подобнаго человѣка.

Это былъ худой старикъ съ бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ лица, покрытаго кое-гдѣ большими сѣрыми пятнами. У него не было на головѣ ни одного волоса, не было ни бровей, ни рѣсницъ, ни усовъ, ни бороды. А прежде, онъ самъ рассказывалъ, онъ былъ волосать, какъ людоѣдъ.

Произошла съ нимъ эта перемѣна слѣдующимъ образомъ.

Однимъ палящимъ лѣтнимъ днемъ, онъ сидѣлъ на большомъ люкѣ на нагруженномъ углемъ пароходѣ, плывшемъ по Средиземному морю. Онъ такъ глубоко задумался, что позабылъ обо всемъ на свѣтѣ. И вдругъ — большой люкъ отворился, и плотникъ взлетѣлъ на воздухъ. Летѣлъ онъ довольно долго и шлепнулся, наконецъ, въ море.

Послѣ этого полета онъ пролежалъ полгода въ госпи-

талѣ, а когда вышелъ оттуда, то сдѣлался такимъ, какимъ Трюгге увидалъ его.

Съ тѣхъ поръ плотникъ постоянно улыбался своими крѣпкими бѣлыми зубами; его правдивые водянисто-голубые глаза свѣтились мудростью и радостью жизни. И съ тѣхъ же поръ онъ особенно любилъ сидѣть на большомъ люкѣ. Если онъ не спать, не ѣсть и не строгать у себя въ мастерской, онъ всегда сидѣлъ на большомъ люкѣ, поджавъ подъ себя ноги, и шить паруса. Онъ умѣлъ рассказывать такія исторіи, что у Трюгге дрожь пробѣгала по спинѣ. Заслушавшись его рассказовъ, Трюгге не сводилъ глазъ съ его голой головы, похожей на полированный шаръ.

Но любимымъ героемъ Трюгге на суднѣ былъ всетаки не плотникъ, а боцманъ.

Онъ постоянно насвистывалъ или пѣлъ. И какихъ только пѣсенъ онъ не зналъ!

Онъ выучилъ Трюгге пѣть пѣсню англійскихъ моряковъ на девяти разныхъ языкахъ.

Поваръ тоже былъ въ своемъ родѣ замѣчательной личностью. Но его слава была, такъ сказать въ прошломъ. Онъ былъ во времена своей молодости поваромъ на яхтѣ президента республики Никарагуа.

— Тамъ у насъ, — любить онъ рассказывать, — ѣли всегда на серебрѣ. За столомъ подавались только самыя лучшія консервы, высшій сортъ! А какія были нарядныя лэди! — всѣ въ шелку да въ брилліантахъ! А какіе черные дьяволы-негры! А какіе генералы!

И послѣ такого-то величія повару пришлось варить на шкунѣ „Ресква“ соленую рыбу по четыре раза въ день! Но онъ не стыдился этой обязанности и исполнять ее съ

такимъ же рвеніемъ, какъ прежде изготовлять къ столу президента изысканныя блюда.

Секретъ крылся въ томъ, что поварь любитъ свое дѣло. Онъ любитъ варить и стирать—это было его страстью.

Кромѣ стирки у него была одна только страсть—провозить безъ пошлины запрещенные товары.

Онъ зналъ тысячи вѣрнѣйшихъ способовъ провозить контрабанду. Онъ умѣлъ прятать куски шелка въ кострюль съ горячимъ картофелемъ. Онъ цѣлыми дюжинами привязывать бутылки съ виски къ парусамъ; и никогда таможеннымъ чиновникамъ не приходило въ голову потребовать, чтобы развернули паруса. Если они и упали оттуда раза два, то это случилось не по винѣ повара. У его койки и его сундука было тройное дно. Сверху у него лежало только бѣлье да кое-что изъ покупокъ, за что, онъ зналъ, пошлины не берутъ, но внизу!

Ему доставляло безграничное удовольствіе проводить таможенныхъ чиновниковъ.

„Не доберетесь“, лукаво думалъ онъ про себя, когда чиновники усердно рылись въ его сундукъ.

У его матраца былъ двойной мѣшокъ, а у его куртки двойная подкладка.

Онъ уѣзжалъ изъ дому поджарый и худой, какъ селедка, а возвращался толстякомъ, какъ пароходный шкиперъ.

Онъ увѣрялъ всегда, что научился всему этому у президента, и всегда говорилъ о немъ съ величайшимъ уваженіемъ. Этотъ человѣкъ, по словамъ повара, былъ мастеромъ всякаго дѣла, за которое онъ брался.

Юнга былъ еще новичкомъ въ морскомъ дѣлѣ. Онъ совершилъ всего на всего одно плаваніе по Сѣверному морю. У него не было ни опыта, ни приключеній за спиной. Онъ

Изданія журнала «ПРОТАЛИНКА».

для МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

ОГНЕННЫЕ ЧЕЛОВѢЧКИ. Сказка Волноморской.

Рис. Д. Шохина. Цѣна 50 коп.

ВЪ ЦАРСТВѢ ПАУКА. Сказка Е. Сергѣевой. Рис.

Д. Шохина. Цѣна 50 коп.

ИЗДАНИЯ ОТПЕЧАТАНЫ НА РОСКОШНОЙ БУМАГѢ, СЪ РИСУНКАМИ, ИСПОЛНЕННЫМИ ВЪ НѢСКОЛЬКО КРАСОКЪ.

Складъ изданія въ конторѣ Н. Печковской.

Москва, Петровскія линіи.

О ПОДПИСКѢ НА 1914 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА

„ПРОТАЛИНКА.“

Въ журналѣ участвуютъ: Л. Авилова, Н. Асѣвъ (Штальбаумъ), К. Афанасьевъ, В. Ахрамовичъ, Е. Булгакова, проф. С. Н. Булгаковъ, А. Бѣляевъ, В. Вахтеровъ, Э. Вахтерова. Волноморская, С. Дурылинъ, С. Клычковъ, Н. Крашенинниковъ, Н. Мѣшковъ, С. Покровский, М. Пришвинъ, С. Розановъ, А. Серафимовичъ, Е. Сергѣева, Н. Телешовъ, гр. А. Толстой, Е. Торнеусъ, Д. Шамбуровъ, И. Шмелевъ, А. Чельцовъ и др.

Подписчики журнала получаютъ:

- 12 кн. журнала въ объемѣ 4-5 листовъ больш. формата.
- 12 кн. приложений „ 3-5 „ меньш. „
- 12 худож. репродукцій съ картинъ соврем. и старинныхъ мастеровъ на мѣловой бумагѣ съ папкой для нихъ.

Отд. прилож.—большая повѣсть „Трюгге и его мать“ въ объемѣ около 6 листовъ больш. формата.

Подписная цѣна на журналъ—4 р. въ годъ съ доставкой и пересылкой, 3 р. 50 к. безъ доставки въ конторѣ Н. Печковской. 2 р. за полгода. Подписка принимается въ конторѣ Н. Печковской и въ другихъ мѣстахъ.

Ред.-издательница *Е. С. Чоловская*. Редакторъ *А. П. Печковскій*.

Цѣна настоящаго № въ отдельной продажѣ 35 коп.